

очарование

АННА КЭМПБЕЛ

Полночный
создаст

Очарование (АСТ)

Анна Кэмпбелл

Полночный соблазн

«АСТ»

2013

УДК 21.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Кэмпбелл А.

Полночный соблазн / А. Кэмпбелл — «АСТ»,
2013 — (Очарование (АСТ))

ISBN 978-5-17-105287-4

Баронет Ричард Хармзуорт, с детства преследуемый сплетнями о своем незаконном происхождении, решает положить конец этим гнусным слухам и разыскать таинственную старинную драгоценность, способную доказать законность его наследственных прав. Ради этого он готов на все, даже соблазнить нынешнюю владелицу украшения — скромную дочь сельского священника Дженовив Барретт, полностью погруженную в научные исследования. Однако в расчеты Ричарда вкрадывается ошибка: Дженовив, при всей своей неискушенности, решительно противостоит его ухаживаниям, а вот сам бывалый повеса влюбляется в эту необычную девушку все сильнее и сильнее...

УДК 21.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-105287-4

© Кэмпбелл А., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	32
Глава 6	41
Глава 7	47
Глава 8	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Анна Кэмпбелл

Полночный соблазн

Пролог

Дом Пэкхемов, Лондон. Март 1827 года

– А вот и главная распутница высшего света!

Оскорбительная реплика прозвучала в тот редкий момент затишья, какие иногда случаются даже в переполненном бальном зале. Как и остальные гости, собравшиеся в доме лорда Пэкхема этой удивительно теплой весенней ночью, сэр Ричард Хармзуорт вытянул шею, чтобы посмотреть на того, кто произнес эти дерзкие слова, и – что еще любопытнее – на ту, кому они были адресованы.

Высокий рост позволял Ричарду смотреть поверх голов, и он быстро вычислил участников конфликта. Проклятье, кое-кому снова захотелось публично перетряхнуть его семейное грязное белье!

Прямо у входа в зал светловолосый юнец высокомерно смотрел на красивую немолодую женщину с темными волосами. На мгновение губы женщины дрогнули в презрительной усмешке, а затем на ее лицо вернулось прежнее безмятежное выражение. И хотя Ричард не узнал наглеца, зато с объектом оскорбления был прекрасно знаком.

Леди Огюста Хармзуорт, его дорогая мать.

Ричард состроил ставшую привычной дружелюбную гримасу, словно небольшой скандал в высшем свете не касался его лично, и направился к дверям, хотя внутри у него все сжалось от едва сдерживаемой ярости. Увы, скандал, опорочивший имя матери, разразился тридцать два года назад, поэтому теперь оставалось лишь мириться с его последствиями.

Жадная до сплетен толпа расступилась перед ним, как морские воды перед Моисеем. Десятки взглядов жгли ему спину. Конечно, Ричард, привлекательный внешне и всегда одетый по моде, привык к вниманию толпы. Однако сегодня это внимание не вызывало в нем приятного отклика. Высший свет всегда знает, когда пахнет жареным. Ричарду же предстояло потушить огонь, прежде чем он разгорится.

Краем глаза он заметил своего лучшего друга – Кэмерона Ротермера герцога Седжмура, также торопившегося к дверям. Затем Хармзуорт вновь нашел взглядом свою мать. Они не виделись лет пять, а она совсем не постарела. «Что ж, видно, грех добавляет красоты чертам», – кисло подумал Ричард.

– Советую воздержаться от оскорблений, Колби, – заявил лорд Бенчли, один из преданных поклонников леди Огюсты. Он окинул юнца насмешливым взглядом. – Играйте, да не заигрывайтесь.

Теперь Ричард узнал светловолосого денди. Лорд Колби, недавний выпускник Кембриджа, был новичком в светском обществе. Весьма хорош собой и самоуверен, но леди Огюста смотрела на него, как на пустое место. Хотя ей нравились красивые мужчины, она предпочитала общество более опытных и благородных, таких как лорд Бенчли. Ходили слухи, что он когда-то был удостоен чести делить с ней ложе.

Не то чтобы Ричард собирал сплетни о своей матери, но только глухой не слышал о ее якобы многочисленных любовных похождениях. Сын делал вид, что ему нет дела до интрижек вдовствующей леди Хармзуорт, однако каждая сплетня бросала тень и на его имя.

– На выручку блуднице явился ее ублюдок, – процедил сквозь зубы Колби. Впрочем, его голос звучал уже не так дерзко, когда подошел Ричард.

Толпа качнулась в едином вдохе, полном ужаса и восхищения. Стихла музыка. Долговязый приятель Колби схватил его за руку.

– Заткнись, Колби! Хармзуорт – отличный стрелок. Нарвешься на пулю в дуэли!

Колби поник. Оказавшись рядом, Ричард убедился, что молодой лорд выглядит изрядно напуганным – инцидент не перерастет в скандал. Пусть так, но давний скандал в очередной раз выплеснулся в это грязное слово «ублюдок».

– Добрый вечер, мама. Ты всегда умела эффектно появляться в обществе, – сухо произнес Ричард, намеренно игнорируя Колби.

Перетрусившего скандалиста можно было не опасаться. Нетрудно было замаять неприятную сцену. Куда сложнее было унять клокотавшую внутри Ричарда злость.

Зная, что за ними следят десятки глаз, Ричард прильнул губами к руке матери в знак приветствия. Нельзя было пренебрегать традициями, давая повод для кривотолков.

Леди Огюсте было чуть сложнее скрывать свои эмоции, хотя за три десятка лет можно было привыкнуть к жестокости толпы. Возможно, причиной ее волнения была встреча с сыном после долгой разлуки. Ричард гадал: что заставило мать приехать сюда? Несколько секунд она почти бесстрастно смотрела на сына, затем ее губы изогнулись в улыбке. Такая улыбка неизменно сводила мужчин с ума. Жертвой ее, похоже, когда-то стал и отец Ричарда.

Злые языки поговаривали, что леди Хармзуорт обрюхатил конюх, пока ее муж, барон Лестер, находился с дипломатической миссией в России. Когда сэр Лестер вернулся после шестнадцати месяцев отсутствия, он принял младенца как своего сына и наследника, ни разу не упрекнув жену в прелюбодеянии. Общество кипело мерзкими сплетнями, но сэр Лестер объявил Ричарда следующим баронетом.

– Зато там, где я, нет места скуке, – откликнулась леди Огюста.

Ричард вскинул бровь и едва заметно улыбнулся, хотя ярость продолжала бурлить в его крови. Со школьных лет он страдал от насмешек сверстников и едва скрываемого презрения их родных. Гордость, возможно, научила его скрывать обиду, но не помогала смягчить ее.

– С этим не поспоришь, – согласился Ричард.

– Леди Хармзуорт, рад вас видеть! – Кэмерон наконец пробрался через толпу.

– Ваша светлость. – Ее изящный реверанс был воплощением достоинства.

Да, Ричарда многое раздражало в матери, однако он глубоко уважал ее мужество и силу воли. Он знал, как трудно держать голову высоко, если тебя презирает свет.

– Вы решили слегка взбаламутить тихие воды этого омута? – негромко спросил Кэм. – Могу я пригласить вас на танец?

Леди Огюста кивнула и с усмешкой обратилась к Ричарду:

– Мой дорогой сын, неужели ты поспешил ко мне, желая защитить мою честь, и даже собирался сразиться на дуэли? Но ведь я и честь – понятия несовместимые.

В ответ на это заявление за спиной Хармзуорта раздался тихий шепот. Ричарда и бесило, и восхищало это желание матери вновь и вновь бросать вызов благопристойному обществу. Они были похожи в том, что использовали невозмутимость и холодную уверенность, чтобы дать отпор чужой дерзости.

По лицу Ричарда не пробежало и тени.

– Я не стреляю в незрелых юнцов, сколько бы шерри они ни выпили, – небрежно ответил он, зная, что Колби передернет от этой фразы.

Приятель Колби вцепился в рукав его сюртука.

– Будь благоразумен, – прошептал он другу. – Ты еще легко отделался! Давай уйдем.

– Ладно, уйдем... – Колби мрачно посмотрел на Ричарда. – Мне нечего делать там, где принимают нечестивых дам и... и их отпрысков. Даже носи кто-то из Хармзуортов драгоценную фамильную подвеску, и она не сделала бы его достойным приличного общества. Рожденный в грязи и умрет в грязи.

Голос Колби, испуганного собственной дерзостью, был едва слышен, однако толпа подавалась вперед, словно болото, готовое затянуть любого в свою трясиину.

У Ричарда перехватило горло. Проклятый идиот! Желание уложить глупого щенка одним ударом металось в голове, но он заставил себя презрительно ухмыльнуться в лицо обидчику. Пропавшая подвеска, древняя реликвия Хармзуортов... Господи, да никто не видел эту подвеску со времен войны Алой и Белой розы! Поразительно, что Колби вообще знал о существовании драгоценности, владеть которой может только истинный наследник рода Хармзуортов. Подвеска была утрачена для семьи вот уже более пятидесяти лет.

– Вы сказали «нечестивых дам»? – Внезапно совсем рядом раздался серебристый смех леди Огюсты. – Ах, дорогой сэр Колби, и где вы набрались таких выражений? Неужели у вашей почтенной матушки?

– Забудьте об этом школяре, леди Хармзуорт. – Кэмерон Ротермер герцог Седжмур сделал шаг вперед, оставив Колби за своей широкой спиной. – Итак, танец? – Он подал сигнал оркестру, как будто именно он, а не лорд Пэкхем был хозяином дома.

Зазвучал вальс. Кэмерон и леди Огюста направились в центр зала как царственные особы – толпа молча расступилась перед ними. Ричард мысленно поблагодарил своего друга, не первый раз выручавшего его в сомнительных ситуациях. С изрядным разочарованием приглашенные разошлись по залу. В очередной раз семья Хармзуортов сохранила свое достоинство.

– Я настоятельно рекомендую вам увести своего друга, – посоветовал Ричард приятелю Колби.

Как же он устал от всего этого! От презрения толпы. От собственного притворства. Разве оскорбления не ранят и не мучают его? От необходимости расплачиваться за чужой грех. А более всего от того, что он был ублюдком, носившим имя барона Хармзуорта.

Ярость у Ричарда внутри внезапно остыла и налилась свинцом. Он должен найти эту чертову фамильную подвеску! Он превратит ее в булавку для шейного платка. Ричард будет нести ее на себе как флаг победы, заставляя всех и каждого признать в нем истинного наследника барона Лестера. И пусть он не чистокровный Хармзуорт, но он – будущий барон. А с семейной реликвией в булавке никакой Колби не посмеет дерзить ему в глаза или за глаза. Ни один человек на свете не назовет его ублюдком.

Глава 1

Литтл-Деррик, Оксфордшир. Сентябрь 1827 года

– Проклятье! – раздался приглушенный мужской голос откуда-то снизу.

Глухой стук, сопровождавший ругательство, заставил Дженовив проснуться. Ей понадобилось несколько долгих секунд, чтобы понять, что она задремала, положив голову на письменный стол в своем кабинете. Свечи погасли, и только в камине еще тлели угли. В их слабом мерцании, затаив дыхание, девушка наблюдала, как темная фигура проникла в кабинет, подошла к окну и потянулась к подсвечнику на подоконнике, заслонив собой звездное небо. Страх сковал Дженовив.

Страх... и возмущение! Кто это смеет ломиться в ее дом? Это почти оскорбительно. Викарий, отец Дженовив, и тетя Люси уехали в поместье герцога Седжмура, куда были приглашены на торжественный ужин. Герцог почти не бывал в столь удаленном уголке своих обширных владений, поэтому все соседи жаждали его увидеть. Дженовив тоже была приглашена, но решила остаться дома и заняться важными исследованиями. Она даже служанку в этот вечер отпустила.

Человек у окна стоял неподвижно, будто стараясь убедиться, что комната пуста, прежде чем начать свое темное дело. Казалось, он напряженно прислушивается. Затем абрис плеч на фоне окна опустился – мужчина шагнул к камину.

Из своего уголка Дженовив наблюдала, как незнакомец поднес огарок свечи к углям. Что ж, очень скоро наглец убедится, что рано потерял бдительность.

Девушка нащупала ручку второго ящика стола и открыла его, не беспокоясь о шуме. Рукоятка пистолета легла в ее ладонь. Злоумышленник резко обернулся. Дженовив вскочила на ноги, вышла из-за стола и кивнула мужчине с невозмутимостью, которую на самом деле не чувствовала.

– В этом доме нечего красть. Я дам вам возможность просто уйти.

Мужчина вовсе не бросился прочь из комнаты. Он неторопливо поднял свечу, чтобы осветить Дженовив. Его лицо было скрыто черной шелковой полумаской, какие носят на костюмированных балах.

– Если здесь нечем поживиться, что же вы защищаете с пистолетом в руке?

Рука Дженовив чуть дрогнула.

– Дом стоит на краю деревни. Пистолет в любом случае не лишний. Вы думали, дом на окраине – легкая добыча? – Она подозрительно прищурила глаза. – Вы... вооружены?

Незнакомец поджал губы, как будто вопрос его оскорбил. Чтобы продемонстрировать благие намерения, он показал открытые ладони.

– Разумеется нет, милая леди.

Станный это был грабитель. Конечно, знания Дженовив о воровском мире были невелики, но ее поразило не столько спокойствие, сколько обходительность грабителя. Он изъяснялся как джентльмен и, казалось, не особенно беспокоился, что у нее в руке пистолет.

– Нет? При вашей работе вы должны предположить сопротивление со стороны ваших жертв.

– Я всегда проверяю, чтобы дом был пуст, прежде чем начинаю... работать.

– Как сегодня, например, – холодно бросила девушка.

Грабитель пожал плечами.

– Даже лучшие в моем ремесле могут допустить ошибку, мисс Барретт.

У нее перехватило дыхание. На смену волнению пришел ужас.

– Вам известно мое имя?

Губы мужчины дернулись – он сделал шаг вперед.

– Не подходите! – вскрикнула Дженовив. Ей казалось, будто сердце бьется так громко, что незнакомец вот-вот его услышит.

Мужчина поднял свечу выше и поводил ею из стороны в сторону, рассматривая Дженовив. Она против воли сделала крохотный шаг назад. Ощущение нереальности происходящего все усиливалось, словно родной дом стал ей чужим.

Маленькая комната со старинным столом, уставленным милыми сердцу мелочами. Стопка исписанных страниц ее статьи. Угольки в камине. Легкая занавеска на окне... Все было, как всегда, за исключением высокого мужчины в полумаске, со снисходительной улыбкой наблюдавшего за прыгающим в ее руке пистолетом. Чутье подсказывало девушке, что незнакомец не только не взволнован, он... развлекается!

Дженовив впилась взглядом в прикрытое черной тканью лицо грабителя, пытаясь угадать, как он выглядит без маски, но тщетно: стоит незнакомцу раствориться в ночной тьме, и она никогда не сможет описать его властям. Мало толку в таких приметах, как светлые волосы, белый ворот рубашки, бриджи и ботинки – простые, но хорошего качества, говорившие, пожалуй, о вкусе хозяина. И хотя Дженовив не могла полностью видеть его лицо, расправленные широкие плечи, манера держаться подсказывали ей, что мужчина весьма уверен в себе.

Очень странный грабитель.

– Талантливый вор тщательно изучает своих жертв, – ответил он на вопрос, о котором она успела забыть. – Но, увы, у всех бывают промахи. По слухам, сегодня вечером вы должны были присутствовать на ужине в Лейтон-Корте.

– Я собиралась... – Дженовив осеклась, сообразив, что не обязана давать объяснений. Рука с оружием устала, и дуло постепенно клонилось вниз, к полу. Она прикусила губу и махнула пистолетом в сторону двери. – Убирайтесь из моего дома.

– Но я не получил того, за чем пришел. – Незнакомец сделал еще шаг вперед, заставив девушку отступить.

Внезапно ей стало совсем жутко. Во всем доме были только они двое: сильный мужчина с дурными намерениями и слабая напуганная девушка. Больше не в силах храбриться, Дженовив отпрянула назад и, защищаясь, ткнула пистолетом мужчине в грудь.

– Немедленно убирайтесь, или я буду стрелять!

Его сжавшиеся губы ясно дали понять, что для вора не так уж сложно нарушить правила приличия.

– Дорогая... – процедил он сквозь зубы.

Дженовив словно пробудилась. Как она, державшая в руке пистолет, позволила безоружному грабителю зайти так далеко?

– Я вам не дорогая, – прошипела она.

Словно признав ее победу, мужчина поклонился.

– Как вам угодно, мисс Барретт. Я не сделал вам ничего плохого. Это вы, угрожая мне пистолетом, ведете себя не слишком учтиво.

– Вы вломились в мой дом, угрожали мне... – Она так удивилась, что едва не рассмеялась.

– До сих пор, – перебил ее грабитель, – только вы угрожали мне.

– Намерение обокрасть честных людей – угроза имуществу, – торжествующе сказала Дженовив.

Выразительный рот мужчины изогнулся в улыбке.

– Ваша взяла. Я покину ваш дом, как вы того требуете.

– Отпусти я вас – вы найдете себе другую жертву! – Теперь, почувствовав себя более уверенно, Дженовив крепче сжала пистолет и даже подалась вперед, заставляя грабителя отступить. – Я запру вас в подвале и вызову служащего магистрата.

– Это весьма жестоко с вашей стороны, – ухмыльнулся мужчина. – Я не люблю темные мрачные помещения.

– В таком случае вы выбрали неподходящее ремесло. Однажды вас все же поймают и заключат в темное мрачное помещение.

– И вы думаете, этим смельчаком будете вы? – Внезапно, словно позабыв о пистолете, незнакомец снова сделал шаг вперед. – Не могу поверить, что подобное злодеяние вы совершите с легким сердцем.

Дженевив, отступая, прижалась к письменному столу, и еще выше вскинула пистолет, сжав его двумя руками. Ставшие влажными пальцы скользили по металлу.

– Прочь! Или, клянусь, я стреляю!

Мужчина неторопливо поставил свечу на стол рядом с ней и покачал головой. Пистолет упирался ему в грудь, но это, казалось, ничуть его не беспокоило. Сейчас между ним и Дженевив не было и трех футов.

– Выстрелив в меня, мисс Барретт, вы испачкаете кровью ковер.

– Я... – Голос ее сорвался.

И в этот момент грабитель стремительно схватил ее руку, державшую пистолет. Молниеносное движение – и пистолет был отведен вниз, а сильное мужское тело прижало Дженевив к письменному столу. Она не выпускала оружие, но не могла и высвободить руку из стальных тисков его пальцев.

Он усыпил ее бдительность, говорил так небрежно, даже шутил! Ужас захлестнул девушку с новой силой. Зачем она вообще вступила в диалог с этим негодяем? Уверенная в своей безопасности, она совершила оплошность. Один бог знает, что теперь будет делать этот опасный человек.

– Отпустите меня! – Вместо резкого тона из ее горла вырвался жалобный писк.

Стальные пальцы лишь усилили хватку на запястьях. Дженевив была высокой и гибкой, но незнакомец был сильнее ее в несколько раз. К тому же он находился так близко, что она чувствовала его тревожащий запах, и это пугало ее еще сильнее.

– Будьте благоразумны, мисс Барретт. Даю слово, что я не причиню вам вреда.

– Тогда отпустите меня! – Она часто дышала. Несколько непослушных локонов выбилось из прически. Зрачки были расширены.

– Отдайте пистолет.

Дженевив попыталась высвободить руки, но тщетно.

– Если я отдам пистолет, то буду совершенно беззащитной, – простионала она.

Незнакомец рассмеялся.

– А разве сейчас вы не беззащитны, мисс Барретт? – вкрадчиво прошептал он.

От этого интимного тона волоски на шее Дженевив встали дыбом. Она снова принялась вырывать руки. Словно устав от этой возни, незнакомец легко разжал ее пальцы и забрал пистолет. Затем он быстро положил его на стол и вновь перехватил оба ее запястья.

– Я закричу!

– Никто не услышит, – произнес грабитель небрежно, и в этот момент она возненавидела всем сердцем эту его самоуверенность.

– Я презираю вас, – прошипела Дженевив, пытаясь освободиться. Сердце ее бешено кололось от испуга и гнева. Глупая девчонка, не сумевшая взять верх над мужчиной, даже имея пистолет в руках.

– Думаю, я смогу с этим жить. – Он еще сильнее прижал ее к столу бедрами, и она ощутила обжигающую волну, прокатившуюся по ее телу. Этот запах – свежий, с оттенками трав...

Зная, что ничего этим не изменит, Дженевив попыталась пнуть негодяя. Все, чего она добилась, была заведенная за спину рука, лишившая ее возможности двигаться. Покачив голо-

вой, мужчина подтолкнул ее к камину, а затем к двери в кладовую. В замке торчал ключ. Сообразив, что он задумал, Дженовив изо всех сил наступила ему на ногу каблуком.

– А у вас боевой нрав, – буркнул незнакомец, скривившись. Уже не слишком церемонясь, он распахнул дверь кладовой и толкнул ее внутрь, продолжая выкручивать руку.

Дженовив буквально накрыло волной тонкого аромата, исходящего от грабителя.

– Не смейте закрывать меня в кладовой! – почти простонала девушка.

– Вы не оставляете мне выбора, мисс Барретт, – раздался бархатный голос у нее над ухом.

От этого по ее телу побежали мурашки. Ей хотелось чувствовать гнев, но вместо этого внутри расходилось странное волнение. В какую немыслимую ситуацию она попала!

Внезапно человек в маске коснулся пальцами щеки Дженовив, застыл на пару секунд, а затем мягко оттолкнул ее от себя. Дженовив качнулась вперед и едва удержалась на ногах. Беспомощно взмахнув руками, она уцепилась за ручку серванта и потеряла драгоценные мгновения, которых злоумышленнику хватило, чтобы захлопнуть дверь кладовой. И тотчас раздался звук поворачивающегося в замке ключа.

– О нет! – воскликнула Дженовив в отчаянии. – Не вздумайте шарить по дому! – Она развернулась и заколотила кулаками в дверь. Какое там! Дубовые двери дома викария могли выдержать и не такой натиск. – Вы не посмеете!

Задышавшись, Дженовив замерла и прижалась ухом к двери, отчаянно пытаясь расслышать хоть какой-нибудь звук. Она уловила удаляющиеся шаги: грабитель шел к входной двери. Он что, передумал? Но зачем ему бросать начатое теперь, когда хозяйка дома заперта в кладовой?

Девушка сжала кулаки и зажмурилась. Как легко он ее перехитрил! И эта внезапная ласка, обезоруживающее касание его ладони, вызвавшее бурю незнакомых эмоций. Лучше всего их было назвать... неуместными. Неподобающими.

Даже с оружием в руках Дженовив ощущала себя слабой и беззащитной рядом с этим человеком. А оказавшись в его руках, и вовсе превратилась в испуганную овечку. И вот результат ее слабости: заперта в кладовой до приезда отца и тетки, а грабитель, возможно, выносит из дома ценности. Один бог знает, сколько ей придется сидеть в темноте и гадать, какая участь постигла столовое серебро. А ведь преподобный Эзикиел Барретт дорожил семейным комплектом. Может, попытаться выбраться через окошко под потолком, пробраться по карнизу, залезть в окно кабинета?

Дженовив почувствовала, как на глаза набежали слезы. Странно, но она все еще ощущала тепло мужского тела, к которому была прижата против воли. Как будто незнакомец продолжал прикасаться к ней. Теперь воспоминание о подобной близости не пугало ее: если бы грабитель хотел причинить ей боль, то он мог сделать это в любой момент. Скорее, Дженовив было горько. Незнакомец не навредил ей, а она даже с оружием в руках не смогла его задержать. Глупая, жалкая курица! Она могла прогнать его, могла передать властям...

Из-за двери не раздавалось ни звука. Что он там делает? Шарит по шкафам и сундукам? Щурясь в полумраке, Дженовив обернулась к массивному бюро у окна и возблагодарила Господа: единственный подлинно ценный предмет остался не замеченным вором. Может, грабитель и был хитер, но потерял бдительность, пытаясь избавиться от свидетеля. А не заметить драгоценную вещь было сложно: золотая цепочка с подвеской лежала на бархатной салфетке на бюро и притягивала взгляд даже в слабом свете, льющемся из узкого окна.

Что-то с глухим стуком упало у открытого окна. Дженовив бросилась к прямоугольнику света – это был ключ. Не веря своим глазам, она подняла ключ с ковра. За окном раздался негромкий удаляющийся свист. Знакомая мелодия, похожая на «За холмами и долами». Вор уходил прочь по садовой дорожке.

И снова его уверенность в собственной неуязвимости поразила Дженовив. Через полминуты ночь проглотила остатки звука. Пожав плечами, девушка вставила ключ в замочную сква-

жину и медленно повернула. Открыв дверь, она осторожно выглянула из кладовой. В кабинете никого не было. Как будто никто не вторгся вероломно в ее дом и не вел себя так дерзко!

Лишь тонкий аромат трав все еще витал в воздухе.

Лимонная вербена.

Глава 2

Ричард сделал глоток бренди и положил голову на спинку кожаного кресла в библиотеке Лейтон-Корта.

Он заслужил порцию хорошего алкоголя: не так уж часто приходится вламываться в чужой дом под видом грабителя в маске. Черная шелковая тряпица валялась на столике. Попытка ограбления вышла неудачной, однако он узнал самое главное. После шести месяцев детективной работы Ричард нашел свое сокровище.

– Подвеска у нее, и это важнее всего. Я рад, что провел расследование. Кто же мог знать, что эта чертова тетка Амелия так странно распорядится семейной реликвией. Когда я оказался в кладовой, подвеска просто лежала на бюро! Я видел ее так же явственно, как огромный нос на твоём лице!

– Зачем сразу переходить на личности? – проворчал Кэмерон Ротермер, герцог Седжмур, и поднялся со своего высокого стула, чтобы пополнить стакан Ричарда. Зеленые глаза герцога казались суровыми, однако близкие друзья часто могли разглядеть в них искорки смеха.

Ричард понимал, что несколько злоупотребил дружбой. Только настоящий друг мог приехать в самое дальнее из своих владений и поддержать приятеля, вместо того чтобы наслаждаться жизнью в Дербишире или Лондоне. Но Ричарду требовалось тайное укрытие недалеко от дома Барреттов, а поместье Кэмерона в Литтл-Деррике подходило для этого как нельзя лучше.

Кэмерон зацокал языком от нетерпения.

– Так почему, черт возьми, ты не забрал подвеску, если она была под самым твоим носом? Хорошая работа, быстрый результат. Ты бы получил фамильную драгоценность, а я бы отправился домой, к родным лугам и не менее родным конюшням.

– Кража не лучшая идея, дружище.

Улыбка коснулась губ Ричарда, когда он протянул руку, почесал голову и потерев уши мохнатого Сириуса. Эта собака была неопределенной породы, но довольно дружелюбного нрава. Пес вздохнул и развалился на полу рядом с креслом, его длинный нос уткнулся в передние лапы. Его совершенно не волновала фамильная подвеска.

– Краденую вещь нельзя назвать своей. Как я смогу предъявлять всем и каждому эту подвеску, чтобы продемонстрировать, что имею право на титул, если опущусь до воровства? Полагаю, для начала надо попытаться выкупить это безделицу у нынешних владельцев.

Хотя Ричард Хармзуорт и говорил небрежным тоном, но предмет обсуждения имел для него колоссальное значение. До сегодняшнего вечера он видел драгоценность барона Лестера лишь на старинных акварелях. Желание заполучить вещь было невероятно сильным, но попытка кражи была просто разведывательной миссией.

Его агенты несколько раз связывались с мисс Барретт, предлагая купить драгоценность, но она утверждала, что даже не слышала о сокровище. Однако, что бы ни говорила Дженив Барретт, любая ниточка расследования неизменно вела в дом викария Литтл-Деррика. Проникновение в дом было последней попыткой выяснить, не ложный ли след взял Ричард.

Ярость, охватившая его в бальном зале лорда Пэкхема, все еще клокотала глубоко внутри. Заполучить подвеску стало самым важным делом его жизни. Только так Хармзуорт мог вернуть себе достоинство и прекратить всяческие кривотолки на свой счет.

– Что ж, я рад, что мне не придется укрывать от закона бесчестного человека, – усмехнулся Кэмерон.

– Да. Сначала только честные методы. – Ричард отхлебнул превосходного бренди и внезапно вспомнил, каким горячим нравом обладает дочь викария. С такой трудно торговаться.

Однако на карту были поставлены честь и достоинство, поэтому он выиграет эту партию. – Представляешь, мисс Барретт угрожала мне пистолетом!

Кэмерон удивленно рассмеялся.

– Неужто? Что ж, и правильно делала. Когда викарий Барретт и его сестра приехали без Дженовив, было поздно предупреждать тебя об опасности, ты уже бросился продолжить свое расследование. Клянусь, я весь вечер чувствовал себя как на иголках. Да еще эти скучные провинциальные разговоры. Это был чудовищный ужин.

– Я у тебя в долгу. – Ричард вытянул длинные ноги на сине-красном турецком ковре. Он чувствовал усталость пополам с удовлетворением.

– Это точно. Но я вынужден признать, что не зря приехал посмотреть поместье. Следовало наведаться сюда гораздо раньше, сразу после смерти дяди Генри, чтобы понять, в каком ужасном состоянии сейчас – дом и земли. – Кэмерон опустил на стул. – Кстати, об ужасном состоянии. Эта ученая дева, мисс Барретт, в самом деле похожа на книжного червя? Как она выглядит? Плохая кожа? Круглые плечи? Плоская грудь? Косоглазие от прочтения пыльных фолиантов?

Ричард хмыкнул. Тело, которое он прижимал к себе, определенно было округлым в нужных местах. Как ценитель женщин, Ричард Хармзуорт мог дать Дженовив Барретт весьма высокую оценку.

– Она... интересная, – задумчиво произнес он, потрепав мохнатое ухо Сириуса. Пес возмущенно чихнул, не слишком довольный такой бесцеремонностью.

– Ну, если она умеет пользоваться оружием и способна угрожать мужчине в маске, ничуть не сомневаюсь в твоей оценке.

Ричард улыбнулся, вспомнив, каким резким и требовательным тоном говорила с ним Дженовив, наведя на него пистолет. Вместо иссушенной науками старой девы он встретил воинственную амазонку. Высокую темноволосую красотку с внимательными серыми глазами. Сильную, непокорную и...

– Ричард, – окликнул друга Кэмерон.

– Да?

– Судя по твоей странной улыбке и блуждающему взгляду, рискну предположить, что мисс Барретт хороша собой. Однако что ты собираешься делать дальше?

– Да, она хороша собой, но это ничего не меняет. Мисс Барретт должна расстаться с подвеской в любом случае. – Хармзуорт встал и без приглашения наполнил свой бокал. Он приподнял графин, предлагая налить и Кэмерону, но тот покачал головой. – У меня просто нет выбора. Я мог бы попытаться счастье в суде и доказать, что тетя Амелия не имела законного права отдавать драгоценность мисс Барретт, но такое дело будут рассматривать годами. И кто знает, сколько еще помоев выльется на мою голову. Мисс Барретт ясно дала понять, что не хочет продавать подвеску даже после того, как мои представители предложили за нее десять тысяч! Похоже, деньги не особо ее интересуют.

– И каков твой план?

– Есть одна шальная мысль. К счастью для меня, ее отец берет на подселение практикантов-историков. Я могу проникнуть в семью и втереться в доверие, узнаю, что нужно этой Дженовив. У всего есть своя цена.

Герцог Седжмур посмотрел на друга с сомнением.

– Едва узнав, кто ты, мисс Барретт обо всем догадается. Какой из тебя историк?

Губы Ричарда изогнулись в лукавой улыбке.

– Встречайте Кристофера Эванса, богатого дилетанта из Шропшира.

Кэмерон нахмурился.

– И что дальше? Попытаешься ее соблазнить?

На мгновение мысль о тайной связи с Дженовив Барретт зацепила Ричарда, однако он неохотно возразил:

– Ты обо мне не слишком высокого мнения, мой друг. Я всего лишь влюблю ее в себя, но не испорчу. Я подарю ей несколько недель мужского внимания, стану делать подарки и говорить весь этот глупый вздор, о котором она читала в своих книжках, уговорю продать подвеску, а затем... исчезну.

– Женщина, которая способна навести на тебя пистолет, может оказаться нелегкой добычей.

Ричард пожал плечами.

– Я знаю, чего хотят женщины, Кэм. Поверь, очень скоро эта недотрога будет есть из моих рук.

– Если вспомнить, какой отпор мисс Барретт дала тебе накануне, эта малышка скорее откусит тебе пальцы. Но ты так увлечен своей затеей, что я готов сделать ставку.

Хармзуорт рассмеялся.

– Поверь, я могу быть очень убедительным, если того требует дело. Боже мой, да я могу давать уроки! Я так хорошо научился скрывать свои эмоции и притворяться в свете, что в сердечных играх мне нет равных. Вспомни, как часто притворство выручало меня в трудных ситуациях. Моя любезность в ответ на оскорбления не раз спасала меня от наказаний в колледже.

Ричард передернул плечами, вспоминая, что перенес их друг Джозеф Меррик, также незаконнорожденный, в Итоне, потому что был слишком прямолинейным и упрямым. Впрочем, в прошлом году Джозеф был отмищен – получил титул виконта Холбрука. Ричард тоже намеревался посмеяться последним, когда на его булавке будет сверкать легендарная подвеска Хармзуортов.

Кэмерон по-прежнему смотрел с сомнением.

– Но ведь ничто не изменит обстоятельств твоего рождения. Даже фамильная безделушка.

– Возможно, и нет, – произнес Ричард с горечью. – Но законы светской морали – штука тонкая.

Об этом Кэмерону было известно не понаслышке. Его мать герцогиня делила ложе не только с мужем, но и с его братом. Кто был настоящим отцом Кэмерона, похоже, не знала и она сама. Скандалы такого рода всегда ложатся пятном на фамильную историю. Однако герцог Седжмур с достоинством носил семейный титул и посещал все приемы и балы с гордо поднятой головой.

Еще в школе подпорченная репутация сдружила Ричарда, Кэмерона и Джозефа. Каждый выбрал свой способ защиты от унижений и издевок, но дружбу, окрепшую в невзгодах, они пронесли через годы. И теперь Кэмерон, ни в чем не сомневаясь, стал соучастником аферы, в которую втянул его Ричард.

– Любая победа будет носить лишь символический характер, – сказал Кэмерон Ротермер.

– Иногда этого достаточно. – Ричард вернулся к своему креслу. – Брось, дружище. Позволь мне развлечься напоследок, ведь очень скоро моя жизнь станет предсказуемой и скучной. Ты же помнишь, что в следующем сезоне я намерен стать уважаемым женатым мужчиной. Я долго выбирал юную леди, чья безупречная родословная вернет престиж опорощенному роду Хармзуортов.

Кэмерон смотрел на него со странным сочувствием.

– Жениться на любимой женщине гораздо приятнее.

– Любовь, мой дорогой друг? – Смех Хармзуорта был циничным. – Я планирую брак по расчету. Все, что я потребую от будущей жены, это подарить мне законного наследника. В остальном пусть делает, что хочет.

– Ты совершаешь ошибку. Любой человек заслуживает счастливой семейной жизни, а ты особенно.

Ричард поежился. В чувствах они с Кэмероном всегда придерживались диаметрально противоположных взглядов. Его друг желал ему добра, но Ричард был не уверен, что заслуживает счастья.

– Ты несешь вздор, Кэм! Вот уж не думал, что с годами ты станешь таким сентиментальным.

– Разве ты не хочешь такого брака, как у Джозефа и Сидони? Меррик нашел себе идеальную пару. Они делают друг друга счастливыми. Это заставляет меня думать, что любовь стоит ждать, за нее стоит бороться.

Ричард знал, что Джозеф действительно любит жену и что любовь эта взаимна, а после рождения дочери его брак с Сидони стал еще крепче.

– Джозефу несказанно повезло. Но такой брак скорее исключение. Женщины, подобные Сидони, встречаются одна на миллион. И я бы не поставил и пенни на то, что мне суждено встретить такую, как Сидони.

Но уже лежа в постели, в полусне Ричард вспоминал о другой женщине. О той, в чей дом вероломно вторгся. Дерзкая, умная и красивая Дженовив Барретт со сверкающими гневом глазами и чувственным телом. Он вдруг обнаружил, что ждет предстоящих дней с нетерпением. Что ж, его хитроумная затея предвещала весьма недурное развлечение.

Глава 3

Поначалу Дженеviv заметила только собаку.

Девушка сидела у окна и смотрела на улицу, позабыв про вышивку, лежавшую на коленях. Гостиная выходила окнами на аллею, которая окружала дом и вливалась в Оксфорд-роуд. В глубине комнаты ее овдовевшая тетя пыталась развлечь разговорами лорда Невилла Фэрбродера – он приехал к викарию, но отец Дженеviv навещал прихожан. Лорд Невилл, к сожалению, решил дожидаться его и не спешил вернуться в свою усадьбу Янгтон-Холл. Лорд Невилл финансировал научные работы викария, но Дженеviv относилась к нему с неприязнью. Что-то в его глубоко посаженных глазах заставляло ее ежиться, а когда лорд Невилл находился рядом, от него словно исходил неприятный холодок.

Когда крупная дворняга пробежала по аллее, девушка вытянула шею. В Литтл-Деррике бродячие собаки редко находили сытный обед и потому заглядывали в городок нечасто. Пес сел посреди лужайки, почесал за ухом и насторожился. Через пару мгновений появился изящный и богато украшенный фаэтон, вальяжно покачивавшийся на рессорах.

От любопытства Дженеviv прижалась лбом к стеклу. Возница был в повозке один. Он ловко правил красивой гнедой лошастью, тянувшей за собой черно-золотой экипаж.

Что привело богатого человека в глубинку Оксфордшира? Должно быть, путешественник просто сбился с пути. Узкая аллея обрывалась у конюшни. Кроме викария, навещать здесь было некого. Более всего Дженеviv удивила собака: пес явно ожидал фаэтон, а не просто бегал по округе. Даже цыгане, расположившиеся табором у речки, не стали бы прикармливать подобную дворнягу.

Фаэтон, сопровождаемый куда менее эффектной собакой, исчез за углом. Дженеviv ждала, когда возница поймет, что ошибся, и вернется. Это было не бог весть какое событие, но день выдался скучным, поэтому, когда фаэтон не появился через пару минут из-за угла, девушка стала проявлять нетерпение.

День мог сложиться куда приятнее, удели она внимание научным трудам, однако визит лорда Невилла вынуждал ее сидеть в гостиной, как того требовали законы гостеприимства. Экипаж все не возвращался. Дженеviv вздохнула. У нее был невеликий талант к вышивке, но рукоделие позволяло избежать разговоров с навязчивым гостем.

Горничная Доркас открыла дверь, сжимая в руке маленький картонный прямоугольник. Тетя Люси изо всех сил пыталась привить ей привычку приносить визитные карточки на подносе, но Доркас упорно игнорировала поднос.

– Прошу прощения, мисс, но к викарию снова посетитель.

Тетя Люси встала, чтобы взять карточку, затем передала ее Дженеviv. Кристофер Эванс. Имя ничего не говорило обоим.

– Ты сказала, что мистера Барретта нет дома? – спросила Дженеviv.

– Да, мисс. Но гость желает подождать. – Щеки Доркас вспыхнули от смущения. – Он такой красивый, мисс. Прямо как с картины. Настоящий джентльмен.

Усмехнувшись, Дженеviv украдкой взглянула на лорда Невилла.

– Скажи, чтобы этот человек назначил встречу и уезжал. – Лорд Невилл даже не потрудился скрыть свое неодобрение по поводу восторга горничной.

Ноздри Дженеviv раздулись. Сам-то лорд Невилл изрядно злоупотреблял гостеприимством, но был благодетелем отца, поэтому она проглотила едкий комментарий. Научная работа викария приносила слишком мало денег, многое у семьи было лишь благодаря поддержке лорда Невилла.

– А если он приехал по неотложному делу?

– Действительно, – поддержала Дженовив Люси. – Доркас, пригласи мистера Эванса в гостиную.

Дженовив отложила в сторону вышивальные пяльцы. Поднявшись, разгладила юбку простого зеленого платья. Человек, который вошел в комнату, был тем самым владельцем фаэтона, который по какой-то воле судьбы занесло в их глубинку. Она даже представить себе не могла, какое срочное дело привело к отцу столь богатого дворянина.

Как бы простодушно ни описала гостя горничная, она не ошиблась: мистер Эванс был действительно красив.

– Добрый день, мистер Эванс. Я миссис Уоррен, невестка викария.

– Ваш покорный слуга, миссис Уоррен. – Мистер Эванс учтиво склонился к руке тети Люси. Дженовив заметила восхищение на лице тети. – Прошу простить мое вторжение. Пропылым вечером на обеде у герцога Седжмура викарий проявил любезность, пригласив меня к себе.

Накануне вечером викарий снова был приглашен в Лейтон-Корт, на сей раз на обед. Он вернулся домой взволнованным: герцог и его знакомые интересовались его научными трудами.

Голос посетителя был ровным, приятным и... странно знакомым. Дженовив нахмурилась, пытаясь вспомнить, где они могли встречаться. Нет, невозможно! В отличие от отца, ее жизнь была скудна на новые знакомства. Пожалуй, единственным чужаком, с которым она столкнулась недавно, был таинственный грабитель, четыре дня назад проникший в дом викария.

Припоминая это вторжение, Дженовив изучала незнакомца. Ростом мистер Эванс походил на странного грабителя, но его волосы вовсе не были светлыми – голову гостя украшала каштановая шевелюра. Лицо мужчины было несколько худощавым, но с твердым, решительным подбородком. Костюм был даже не модным – щегольским.

Нет-нет, мистер Эванс никак не мог быть недавним грабителем. И что за глупости приходят ей в голову? Герцог Седжмур не стал бы принимать у себя вора. Должно быть, ее нервы все еще взвинчены.

– Викарий не упоминал о вашем визите, – неуверенно произнесла Дженовив.

Мистер Эванс повернулся к ней и синими, как небо, бесхитростными глазами осмотрел ее с ног до головы. Точно так лорд Невилл разглядывал ее при каждой встрече. Однако на этот раз вместо отвращения девушка почувствовала смущение. И тотчас где-то глубоко внутри нее забилась тревога.

– Мой визит неуместен? Я могу приехать завтра. – На лице мистера Эванса появилось сомнение.

Дженовив стало еще более неловко. Теперь и она покраснела, как недавно Доркас.

– О нет, мистер Эванс, я хотела сказать...

Мимо Дженовив, шипя и подвывая, пулей пронеслась Гекуба – их старая черная кошка. Гекуба развернулась на месте, ловко прыгнула на плечо Дженовив, успев спрятать когти, а затем взлетела на высокую полку, уставленную фарфоровыми тарелками. Пес гавкнул всего раз и спокойно уселся у ног хозяина.

– Боже мой! – по-женски взвизгнул лорд Невилл и отпрыгнул назад.

Тетя Люси вскрикнула от неожиданности и вцепилась в подлокотники кресла. Мистер Эванс, который до сих пор выглядел довольно расслабленным, с удивительной скоростью сделал выпад вперед, чтобы спасти сине-белую тарелку из Делфта – этот фарфор Дженовив терпеть не могла.

– Я выведу Сириуса на улицу, – извиняющимся тоном произнес гость, передавая тарелку тете Люси.

Пес поглядел на него с упреком. Такое предательство в ответ на безупречное поведение!

– Думаю, это разумно, – откликнулась миссис Уоррен.

– Давайте я сниму кошку с полки, пока она не разбила всю посуду.

– Она не любит мужчин, – предупредила Дженовив, но гость уже тянулся к Гекубе.

Удивительно, но пушистая бестия охотно прыгнула к нему в руки.

– Да, это заметно, – торжествующе сказал мистер Эванс и улыбнулся, показав ряд ровных белых зубов. Улыбка была весьма располагающей.

– Это очень необычно... – пробормотала Дженовив. Она с недоумением глядела на Гекубу, которая не только мурлыкала, но и терлась головой о рукав чужака, оставляя на нем шерсть.

Когда-то девушка спасла кошку от мальчишек, пытавшихся поджечь ей хвост. Воспоминание о перенесенных издевательствах оставило шрам на сердце бедной твари: Гекуба терпеть не могла весь мужской пол.

Мистер Эванс опустил кошку на пол и небрежно отряхнул рукав. Гекуба шикнула на попятившегося пса и потерлась головой о ногу гостя. Он потрепал пса по голове.

– Пойдем, Сириус. Ты подождешь на крыльце.

Дженовив, все еще пребывая в растерянности от странного поведения кошки, наклонилась над Гекубой и почесала ее за ухом.

Кем был их странный гость? И что ему нужно от викария? Отец никогда не водил дружбу со знатными особами. Ну, кроме герцога Седжмура, но это были скорее соседские отношения. Лорда Невилла Дженовив не считала благородным человеком, каким бы ни было его происхождение, – слишком уж он был неприятным.

– Пусть ваш Сириус останется, – выпалила она неожиданно и затаила дыхание.

Что это с ней? Испытывать симпатию к незнакомцу лишь потому, что того признала Гекуба? Однако мистер Эванс внушал доверие. Уверенность, сквозившая в его жестах, улыбка, веселые искорки в глазах – все заставляло отнести его к людям, приятным в общении. Он не пытался понравиться, но, должно быть, нравился всем, с кем ему случалось хотя бы перекинуться словом.

Гость взглянул на Дженовив, очевидно удивленный и тронутый заботой о своем псе, и снова улыбнулся. Девушке на миг стало не по себе – уж слишком приятным был этот мистер Эванс.

– Спасибо. Сириус хорошо воспитан и не причинит хлопот.

Словно понимая, о ком идет речь, пес, не сводя настороженного взгляда с кошки, придвинулся к ногам хозяина. Дженовив снова поразил контраст между безупречным нарядом мужчины и беспородным Сириусом.

– Позвольте мне представить вам еще одного нашего гостя, – спохватилась Дженовив, вспомнив правила хорошего тона. Она надеялась, что мистер Эванс не заметит неловкую торопливость в ее голосе. Впрочем, такой красивый мужчина наверняка знает, какую магическую власть имеет над глупыми восхищенными им женщинами, среди которых, судя по всему, оказалась и она сама. – Это друг моего отца, лорд Невилл Фэрбродер. – Дженовив вежливо улыбнулась лорду Невиллу.

– Надеюсь, я также и ваш друг, дорогая Дженовив, – хмыкнул лорд Невилл. Он снисходительно кивнул незнакомцу. – Мистер Эванс.

– Лорд Невилл, – ответно кивнул тот, но с куда большим тактом.

– А я – Дженовив Барретт. Прошу, присаживайтесь, мистер Эванс. – Тетя Люси как-то позабыла об обязанностях хозяйки и с восхищенной улыбкой взидала на гостя. – Я велю принести нам чай. Доркас!

– Спасибо. – Мистер Эванс выбрал стул рядом с тетушкой Дженовив.

Пес, как и было обещано, вел себя безупречно: устроился у ног хозяина, лишь изредка настороженно поглядывая на кошку.

– Отец посещает прихожан. – Дженовив взяла на руки Гекубу и отошла к окну.

Мистер Эванс улыбнулся в ответ, и сердце Дженевив забилося сильнее. Доркас сказала: красивый? Кристофер Эванс, кем бы он ни был, был не просто красив – он был неотразим.

– Я все равно рад, что заехал. Приятно знакомиться со своими будущими соседями.

В этот момент Дженевив испытала неприятный укол в районе солнечного сплетения. Интуиция предупреждала ее об опасности.

Итак, это не случайный визит одного из скучающих гостей герцога Седжмура. Похоже, у мистера Эванса были далеко идущие планы. Красивый, богатый, образованный мужчина в такой глубинке, как Литтл-Деррик? Что ему здесь понадобилось?

Дженевив не была склонна к приступам паники, однако сейчас ей почему-то стало не по себе. Приятная улыбка гостя внезапно показалась фальшивой. Он что-то скрывает... Он точно что-то скрывает.

– Так вы теперь наш сосед? – спросил лорд Невилл. – Боюсь, в этой деревне вы быстро заскучаете. Это, знаете ли, очень провинциальное местечко.

– Ах, лорд Невилл, неужели вы так не любите наш Литтл-Деррик? – со смехом спросила тетя Люси.

– Я говорил не о любви. – Невилл Фэрбродер почти презрительно наморщил нос. – Помимо нашего научного кружка здесь нет никаких развлечений.

– Это отнюдь не медвежий угол, лорд Невилл. – Мистер Эванс широко улыбнулся. – Герцог говорил, что тут живут самые красивые женщины Оксфордшира. – Его взгляд остановился на Дженевив, голова учтиво склонилась. – И я вижу, он не преувеличивал.

Дженевив изо всех сил старалась не покраснеть и выдержать взгляд мистера Эванса, но не смогла и отвернулась к окну. Это мог быть обычный вежливый комплимент, если бы не его настойчивый взгляд. Гость откровенно флиртовал с ней! А ведь она не столь юна – двадцать пять лет, – да и женское кокетство не относилось к ее сильным сторонам. Она была ученой девой, погрузившейся в изучение пыльных фолиантов и рукописей. Дженевив машинально дернула Гекубу за ухо. Кошка зашипела и вывернулась из ее рук. Совершенно проигнорировав Сириуса, Гекуба прошмыгнула под столом, чтобы прыгнуть на колени Кристофера Эванса. Дженевив выдавила вежливую улыбку.

К счастью, у парадной двери раздались знакомые шаги. Девушка с облегчением вздохнула:

– Отец вернулся.

– Отлично, – сказал лорд Невилл. – Викарий обещал показать мне редкий манускрипт, который ему прислал Каррутерс.

– Потрясающе! – воскликнул мистер Эванс. – Могу ли я тоже взглянуть на рукопись?

Дженевив посмотрела на него с интересом.

– Вы так же... интересуетесь историей, мистер Эванс? – изумленно спросила тетя Люси.

– Вы не похожи на знатока, – добавила девушка.

Тетка взглянула на нее с неодобрением. Миссис Уоррен жила в доме викария вот уже пятнадцать лет и все эти годы пыталась привить светские манеры своей племяннице. Но Дженевив была не самой прилежной ученицей.

Однако мистер Эванс ничуть не оскорбился.

– Среди таких увлеченных историей и наукой людей, как вы, я бы назвал себя просто любителем, но никак не знатоком, – усмехнулся он.

Столько учтивости, такая гладкая речь! В душе Дженевив вновь зашевелилась тревога.

Отец размашистым шагом вошел в комнату, спасая ее от ответа на скромность гостя.

– Лорд Невилл! Какая приятная неожиданность! – Затем викарий повернулся к другому гостю и заговорил с искренней радостью, заставившей лорда Невилла неприязненно передернуть плечами. – Мистер Эванс! Если бы я знал, что вы приедете, я бы отложил визиты к прихожанам. Мне так понравилась наша дискуссия прошлым вечером. – Он строго глянул на дочь

и тетю Люси. – Вам даже не принесли чай? Какой недосмотр! Должно быть, вы считаете нас деревенскими неучами.

Викарий всегда говорил много и громко. Его голос метался по гостиной, заставив лежащего на полу Сириуса недовольно заворчать, не поднимая тяжелой морды. Отец Дженевив прошелся по комнате, пожал руку лорду Невиллу, потом мистеру Эвансу с особым радушием, которое почему-то вызвало у Дженевив странный протест. Ее отец был известной личностью в научных кругах, его уважали прихожане, ценили коллеги. Однако сдержанности ему явно не доставало. Она вздохнула, искренне желая, чтобы мистер Эванс побыстрее уехал. Интуиция подсказывала девушке, что появление этого человека в их доме станет причиной конфликта между отцом и его покровителем лордом Невиллом.

Несмотря на разделяемый ею интерес отца к древним рукописям, Дженевив была совсем на него не похожа. Порой ей казалось, что она и вовсе не дочь викария. Высокий, седой, напористый, шумный, он был образован, окружающие были уверены, что мистер Барретт обладает исключительно пытливым умом. Дженевив была привязана к отцу, но в глубине души она знала, что он слабый и эгоистичный человек. Однажды отец уже доказал это и...

Доркас шумно распахнула дверь и поставила на стол чайник. Гостиная была небольшой, и для шести человек тут явно было тесно. Горничной пришлось почти танцевать с подносом, расставляя чашки. Дженевив едва не охнула, когда молочник покачнулся и молоко выплеснулось на стол. Мистер Эванс наверняка решит, что даже горничная в доме викария – просто деревенская девчонка. Впрочем, какое ей дело до его мнения?

– Оставь, Доркас, я сама. – Дженевив разлила по чашкам чай куда более грациозно, чем это пыталась сделать горничная.

Лорд Невилл и викарий завели оживленную беседу, касавшуюся новой научной теории. Тетя Люси разговаривала с мистером Эвансом о местных достопримечательностях.

Дженевив вернулась в кресло у окна и принялась за вышивку. Она изо всех сил пыталась успокоиться. Нелепо позволять красивому мужчине с хорошими манерами оказывать на нее такое влияние. Дженевив с прохладцей относилась к мужчинам, если только они не были выдающимися учеными. К тому же реакция на мистера Эванса не имела никакого отношения к его интеллекту, и это настораживало.

– Как очаровательно выглядят девушки за вышивкой! – Голос Кристофера Эванса прозвучал совсем рядом.

Дженевив весьма скептически глянула вверх. Гость прислонился к оконной раме и наблюдал за ней. На руках у него уютно устроилась пушистая Гекуба.

– Люблю заниматься делом, – отозвалась Дженевив.

Вышло не слишком любезно, но ей и не хотелось смягчать тон. Пусть знает, что не все обитатели Литтл-Деррика готовы подставить мягкое пузико для почесываний, как ее предательница Гекуба.

Как ласково пальцы мистера Эванса перебирают кошачью шерсть...

Лицо Дженевив заливал румянец. Она опустила голову к вышивке, моля Бога, чтобы гость ничего не заметил. Когда мистер Эванс сбросил кошку на пол, та недовольно потянулась и, не оборачиваясь, удалилась под стол. Мужчина протянул руку и забрал у Дженевив пяльцы. Она молча ждала, пока он изучит вышивку. На его лице проступило восхищение.

– Это будет пион, – пояснила девушка.

– Я... так и думал.

Что это? Неужели насмешка в его глазах?

– Правда? – Дженевив вернула пяльцы с вышивкой и внимательно осмотрела рисунок. Даже она, знавшая, что именно хочет изобразить, не смогла бы угадать очертания цветка.

Мистер Эванс удобно устроился на подоконнике, скрестив на груди руки и вытянув длинные ноги на выцветшем ковре. И это вызвало раздражение у Джeneвив. Однако его следующий вопрос не понравился ей еще больше.

– Наверное, вы помогаете отцу в его работе?

Ее глаза сузились, губы сжались.

– Делаю все, что в моих силах, милорд, – сказала Джeneвив ровно.

Вечерело. Свет, падавший в окно, сообщая каштановым волосам мужчины странную рыжину. Вернулась Гекуба и, мурлыча, принялась тереться о лодыжки гостя. Джeneвив склонилась над вышивкой. Ей так хотелось, чтобы он оставил ее в покое.

– Вчера вечером в Лейтон-Корте викарий высоко отзывался о ваших способностях.

– Вас удивляет, что женщина может иметь мозги? – спросила Джeneвив сдержанно, хотя злилась все сильнее.

Кристофер Эванс вздохнул, словно расстроенный ее очевидной неприязнью.

– У меня такое чувство, что я совершил какую-то ошибку, мисс Барретт, и наш диалог пошел в неверном направлении.

Джeneвив подняла голову и пристально посмотрела ему в глаза. Почему ее не покидает ощущение, что у мистера Эванса есть скрытые мотивы?

– Так ли это важно? – Джeneвив изобразила вежливую улыбку. В конце концов, какая разница, что он о ней подумает? Даже если этот щеголь поселится по соседству, это не обязывает ее общаться с ним.

– Если я обидел вас, примите мои извинения. – С этими словами мистер Эванс переместился ближе – его рука легла на подлокотник ее кресла.

Джeneвив напряглась и едва не отпрянула.

– А вы весьма самонадеянны, мистер Эванс.

Его губы дрогнули.

– Не стану отрицать, мисс Барретт.

– Рада за вас, однако попытайтесь держаться чуть дальше со своей самонадеянностью. – Она возмущенно махнула пальцами.

Его смех был низким и манящим.

– Как я могу спорить с вооруженным человеком?

– Что? Я... – Джeneвив осознала, что размахивает перед ним пальцами с иглой, словно щитом и мечом.

Замечание мистера Эванса попало в точку. Несмотря на досаду, пораженная абсурдностью происходящего, девушка чуть не задохнулась от смеха. Она воткнула иглу в лепесток пиона, который скорее напоминал ножку жареного цыпленка.

– Вы напрасно тратите время, сэр, – сказала Джeneвив уже более миролюбиво.

– Я так не думаю, – отозвался гость с мягкой настойчивостью.

И что она должна ответить?

К счастью, ее отец окликнул их.

– Лорд Невилл говорит, вы пожелали увидеть редкую рукопись, мистер Эванс. Вам действительно интересно?

Мистер Эванс моргнул, словно выходя из гипноза. Джeneвив поймала себя на том, что изучает его лицо так внимательно, как будто это и был древний манускрипт. Гость повернулся к викарию.

– Конечно, сэр. Я жду с нетерпением.

С уходом мужчин и сопровождавшего мистера Эванса пса гостиная опустела. Девушка посмотрела на тетю Люси, сидевшую в кресле с рассеянным видом. Ее руки безвольно лежали на коленях.

– Какой прекрасный человек, – мечтательно произнесла пожилая леди.

Дженевив недовольно хмыкнула и встала, чтобы собрать чашки на поднос.

– Уверена, что именно так он о себе и думает.

Тетя Люси с интересом уставилась на нее.

– Все потому, что мистер Эванс обращался с тобой как с женщиной, а не как с заплесневелой книгой из библиотеки твоего отца. Это тебя настроило так воинственно?

– Мне кажется, вы слишком им очарованы, тетя. Этот мужчина флиртует с любой женщиной, попавшей в зону его досягаемости. Сегодня это вы, я и даже Гекуба. – Услышав свое имя, кошка потерлась о ноги девушки. – Поздно опомнилась, предательница, – попеняла ей Дженевив.

– Надеюсь, мистер Эванс будет у нас частым гостем, – сказала тетя Люси. – А с твоим характером ты никогда не найдешь мужчину, который захочет на тебе жениться.

Потрясенная до глубины души, Дженевив чуть не уронила поднос.

– Тетя! Это же нелепо! Даже если бы мне понравился мистер Эванс, – а это невозможно, – он слишком тщеславен! И я... не собираюсь замуж. Я люблю свою работу.

Этот аргумент не проходил. Леди Уоррен желала племяннице только добра и не хотела, чтобы та умерла старой девой. Любого мужчину, оказавшегося рядом с их домом, она рассматривала как возможного кандидата в женихи. Однажды тетушка даже предложила, чтобы Дженевив «повнимательнее рассмотрела» лорда Невилла.

Одна мысль об этом человеке вызывала у девушки тошноту. Лорд Невилл был немолод, а замашками и манерами и вовсе напоминал сварливого старика. И физически вызывал у Дженевив лишь отвращение.

– Работа не согреет долгими зимними ночами. – Тетя Люси сделала паузу. – А я подозреваю, что мистер Эванс мог бы... согреть.

Глава 4

К великому огорчению Дженевив и восторгу пушистой Гекубы, мистер Эванс остался на ужин. Осторожно, чтобы никто не заметил, Дженевив наблюдала за гостем из-под опущенных ресниц. Происходящее казалось ей нелепым фарсом. Мистер Эванс явно не страдал плохим аппетитом и с удовольствием ел все, что могла предложить на ужин скромная семья викария.

Как обычно, дискуссия велась вокруг научных увлечений викария. Он был одержим желанием доказать, что младший принц выжил в Тауэре. Пока мистер Эванс заворуженно слушал ее отца, Дженевив поймала весьма неодобрительный взгляд лорда Невилла из-под сведенных бровей. Он тоже остался на ужин и теперь сидел рядом с ней.

Слава богу, в чулане нашлась баранья нога, которую Доркас предполагала использовать на начинку для пирогов, поэтому викарию было не стыдно перед гостями. Дженевив следила, как во ртах прожорливых мужчин исчезали запасы еды на неделю.

– Надолго вы собираетесь задержаться в Литтл-Деррике, милорд? – спросила она, когда ее отец наконец отдал должное вину, позволив тем самым вставить слово и другим.

Мистер Эванс, сидевший справа от отца рядом с тетей Люси, улыбнулся Дженевив с преувеличенным обаянием. Было нетрудно представить, что эта улыбка заставляет трепетать бесчисленные женские сердца. К несчастью для мистера Эванса, Дженевив Барретт была скроена из другого полотна. По крайней мере, она так думала.

– Мне бы этого хотелось. Это тот самый случай, когда можно сочетать приятное с полезным. – Он бросил на Дженевив хитрый взгляд, словно догадывался, что его учтивость раздражает ее. – Отдых и научные труды, да еще и в столь милом сердцу обществе.

– Как я понял, вы давно знакомы с герцогом Седжмуром, – прорычал лорд Невилл, нарежая мясо так яростно, как будто это была шкура мистера Эванса.

Дженевив представляла, как раздражает лорда Невилла близкая дружба мистера Эванса с Кэмероном Ротермером. Не только лорд Невилл не разбирался в моде и бывал не слишком учтив в обществе, с презрением отзывался о «придворных франтах», но и светское общество не принимало его. Даже в научных кругах он был известен скорее благодаря своим деньгам и связям, чем своему интеллекту. Лорд Невилл был неглуп и разбирался в научных течениях, однако во многих отраслях оставался дилетантом.

Мистер Эванс отпил глоток бордо, которое подарил викарию лорд Невилл, и ответил с хладнокровием, еще больше взбесившим его собеседника:

– Мы учились вместе. Я горжусь нашей дружбой.

– А откуда вы родом, мистер Эванс? – До сих пор тетя Люси хранила молчание. Она, как и ее племянница, осторожно наблюдала за новым знакомым. – Эванс – это уэльская фамилия, не так ли?

– Я родился в Шропшире. Возможно, когда-то моя семья действительно жила в Уэльсе. – Когда он обратился к тете Люси, его голос значительно смягчился.

– Для истинного любителя истории это настоящий вызов, – заметила Дженевив. Она понятия не имела, что именно нужно мистеру Эвансу от ее отца, но поставила бы последний пенни на то, что к истории у него нет никакого интереса.

Ее вопрос ничуть не задел гостя. Напрашивался вывод, что мистер Эванс готов к любым издевкам и самым странным вопросам, а вывести его из себя просто невозможно.

И он так улыбался ей, отвечая на любой вопрос. Уж не испытывал ли он к ней... мужского интереса?

Вероятно, это было нелепое предположение, но ведь Дженевив была единственной женщиной в возрасте до тридцати в доме викария. Горничную Доркас можно было сразу вычерк-

нуть из списка. Мысль о том, что элегантный мистер Эванс волочит за простодушной горничной в надежде ухватить ее за толстое бедро, показалась ей... очень забавной.

– Я надеюсь, ваш уважаемый отец будет помогать мне в моих исследованиях. Возможно, даже поможет разгадать кое-какие семейные тайны.

– Поиск богатых и именитых предков? – с издевкой произнес лорд Невилл, заставив тетю Люси нахмуриться. – Надеетесь найти связь с принцем Уэльским?

Ни один мускул не дрогнул на красивом лице мистера Эванса.

– О, у нас не столь именитый род, – с достоинством ответил он.

Дженевив мысленно сняла перед ним шляпу. Гордиться своим происхождением, каким бы невысоким оно ни было, способен не каждый. У этого человека явно не было причин сомневаться в себе.

– А как насчет вашей жены, мистер Эванс? – спросила тетя Люси с невинным видом.

Дженевив пнула тетюшку под столом ногой. Вернее, она попыталась пнуть тетюшку под столом ногой. Мистер Эванс чуть слышно охнул и выпрямился на стуле. Боже! Теперь Дженевив точно стала красной как помидор.

– Увы, я до сих пор не женат, миссис Уоррен. Возможно, здесь, в прекрасном Оксфордшире, я найду свою даму сердца. – Его губы изогнулись в такой демонической усмешке, что Дженевив стало ясно – это блеф чистой воды. – Хотя уверен, что лучшие женщины графства сидят сейчас за этим столом.

– Ах, сэр, вы такой льстец, – хихикнула тетюшка.

Тетя Люси оставалась привлекательной женщиной. Увы, ей не слишком повезло в жизни. Солдат, за которого она вышла замуж, погиб через год. Она мечтала о крепком браке и троих детишках, но вместо этого похоронила мужа, а с ним и мечты о большой и дружной семье. Оставшись одна, она переехала к мужу покойной сестры и племяннице, странноватым, эксцентричным людям, которые стали ее семьей.

– Вовсе нет, миссис Уоррен. Вовсе нет. – Мистер Эванс учтиво поднял бокал. – За двух хозяек дома!

– Ах, этот вежливый вздор, – не слишком учтиво прервал его викарий. – Люсинда хорошо сохранилась для своих пятидесяти, но называть ее красавицей?..

Дженевив не сдержалась и фыркнула.

– Настоящая красота не имеет возраста, – твердо произнес мистер Эванс. Вспышка гнева в его голубых глазах смягчила враждебность Дженевив, хотя и не заставила больше доверять ему. Она до сих пор не могла понять: почему человек, который мог посещать ужины при дворе, сидел за их скромным столом?

Ричард наслаждался вечером куда больше, чем ожидал. Впрочем, недавняя встреча с прекрасной Дженевив должна была подготовить его к тому, что у нее необычная семья. Перспектива неторопливого флирта, в то время как он будет убеждать ее продать подвеску Хармзуортов, становилась все привлекательнее. Даже научные дискуссии с викарием увлекали его.

В колледже Ричард был не слишком прилежным учеником. Жизнь предлагала множество приятных развлечений для молодого человека с большим состоянием. Но, по-видимому, он гораздо больше почерпнул на семинарах по истории, чем думал.

Викарий Барретт оказался не только обладателем пытливого ума, но и увлеченным рассказчиком. Ричард подготовился к дискуссиям, прочитав некоторые его статьи. Умные, вызывающие любопытство, эти очерки захватывали, а не просто содержали научные факты.

После нескольких часов в компании мистера Барретта Ричард обнаружил несколько подводных камней в своем плане. Для начала от него не ускользнуло некоторое неодобрение в глазах Дженевив, когда ее отец принимался увлеченно описывать некоторые свои исследова-

ния. Судя по всему, между отцом и дочерью существовал некий скрытый конфликт. Могло ли это повлиять на его планы?

Делая вид, что увлеченно слушает викария, Ричард наблюдал за остальными. Казалось, каждый вел свою игру. Тетя Люси была очарована им и явно заинтересована в том, чтобы сосватать за него Дженевив. Лорд Невилл точно был бы против этого, судя по тому, какие алчные взгляды он бросал порой на девушку. А ведь лорд Фэрбродер мог составить отличную партию для небогатой дочери викария. Конечно, на роль потрясающего любовника в столь преклонном возрасте он бы не сгодился, однако муж мог из него получиться неплохой. Странно, что тетка Дженевив до сих пор не выдала племянницу за этого носатого упыря с крохотными глазками. Ричарда передернуло, когда он представил красивую непокорную Дженевив в объятиях лорда Невилла.

Теперь, когда подали чай, Ричард вступил в разговор с миссис Уоррен. Тетя Люси нравилась ему, как и вечно взъерошенная Гекуба – кошка-мужененавистница, которая снова мурлыкала у него на коленях. На время ужина Сириуса отправили во двор, и порой снаружи раздавалось его обиженное поскуливание. Ричард сожалел, что дочь викария не пришла от него в восторг, как ее тетка и кошка. Он не имел ни малейшего понятия, что сделал не так, но знал, что девушка наблюдает за ним со скрытым неодобрением.

Не могла же Дженевив узнать в нем недавнего грабителя! Тогда почему она смотрела на него так, словно ожидала, что Ричард положит в карман серебряную ложку. Он был отлично замаскирован той ночью, а теперь еще и выкрасил волосы в каштановый цвет.

Ричарда удивило, как легко все приняли его за богатого мистера Эванса из Шропшира. Было непривычно общаться без оглядки на прошлое, без попыток удержать в шкафу семейные скелеты. Это оказалось так увлекательно и приятно притворяться другим человеком. Впрочем, оставалось болезненное напоминание о том, какой могла бы быть его жизнь, если бы не сомнительное происхождение.

– Дженевив, оставь свои пыльные бумаги и помоги мне распутать шерсть – все клубки перепутались, – позвала тетя Люси.

– Но папа хотел показать мне старинный фолиант, – возразила племянница. Она присоединилась к лорду Невиллу, который с интересом разглядывал потрепанный временем томик в руках викария.

– Посмотришь завтра. Наш гость скушает, иди к нам!

Ричард встретил взгляд миссис Уоррен. Он отлично понимал, к чему она ведет. И она, и Дженевив знали, что он все понимает. Но девушка не могла игнорировать просьбу тети Люси.

Ричард следил, как Дженевив подошла к сидевшей в кресле миссис Уоррен и наклонилась, чтобы поднять пару вязальных клубков. Еще утром Ричард копался в воспоминаниях и задавался вопросом: не преувеличил ли он достоинства девушки? Но встреча развеяла сомнения. Это был неограниченный драгоценный камень. Сокровище, способное конкурировать с подвеской Хармзуортов. Сегодня днем Дженевив играла недотрогу, смотрела с прохладцей и намеренно его игнорировала. Теперь, при свете свечей, она казалась загадочной нимфой, готовой в любую минуту ускользнуть в лесную глушь. Было даже немного жаль, что Дженевив – женщина из хорошей семьи. Это исключало возможность короткой интрижки, ведь он был человеком чести. Хотя о какой чести могла идти речь, если он нагородил столько лжи всего за один день?

– Еще чая, мистер Эванс? – спросила Дженевив почти ледяным тоном.

– С удовольствием, мисс Барретт.

Миссис Уоррен повернулась к нему.

– Вы давно в Литтл-Деррике, мистер Эванс? Не слышали, о каких невероятных вещах судачат местные обыватели всю неделю?

– Тетя, я уверена, мистер Эванс не интересуется сплетнями, – сказала Дженевив почти враждебно. Она знала, о чем пойдет речь.

– Напротив, я заинтригован. Это какая-то особенная история?

Ричард постарался не улыбнуться, когда заметил, как возмущенно девушка сматывает пряжу в клубок. Все говорило о ее неопытности в общении с мужчинами. Будь у Джeneвив чуть больше опыта, она была бы более сдержана и не метала молнии из своих прекрасных серых глаз. Девушка пыталась вести себя ровно, но внутри полыхало настоящее пламя.

– Представьте себе, Джeneвив едва не поймала вора! – Выдохнула тетя Люси с восторгом, даже не поежившись под возмущенным взглядом племянницы. – Только пистолет спас ее от негодяя.

Ричард обратил к Джeneвив взор, полный преувеличенного восхищения.

– Поразительно! Мисс Барретт, вы такая смелая!

Джeneвив сделала глоток чаю и изобразила кривую улыбку. Ричард помнил, как она целилась в него из пистолета, как потом он держал ее в объятиях, неуступчивую и податливую одновременно, с шелковистыми ароматными волосами и полными смутения глазами.

Его колени напряглись – Гекуба завозилась, недовольная. Он погладил кошку, чтобы отвлечься.

– Тот грабитель оказался трусом. Когда он обнаружил, что хозяева дома и вооружены, предпочел ретироваться, – пробормотала Джeneвив.

Что ж, она слегка приукрасила историю для своих родных. «Ай-яй-яй, мисс Барретт», – подумал Ричард. Оказалось, что в доме викария лгал не только он.

– Разве моя дочурка не храбрая девушка? – Викарий оставил лорда Невилла за столом и подошел к ним.

– Не преувеличивай, папа, – смущенно потупилась Джeneвив. – Я наставила на вора пистолет и велела ему уйти. К тому времени он, вероятно, догадался, что в доме особо нечего брать. Любой на его месте убрался бы подальше.

Выходило, девушка умела не только лгать, но и смущаться. Особенно когда ее одаривали незаслуженными комплиментами.

– Ты – героиня! – воскликнула миссис Уоррен. – Я бы упала в обморок от ужаса, столкнувшись я с грабителем в темном доме.

Ричард с удовольствием отметил, как алый румянец заливает скулы Джeneвив. В обморок она не падала, зато почти упала в его объятия. Ему захотелось коснуться губами ее алеющих скул и манящих губ.

– Не преувеличивай, тетя. Вор был совершенно не впечатляющий. Какой-то тощий и хлипкий. Я бы даже сказала, тщедушный. – Джeneвив удивленно взглянула на Ричарда, который со звоном поставил чашку на блюдце. – Все в порядке, мистер Эванс?

Вот, значит, как? Тщедушный?

– Не беспокойтесь, мисс Барретт, – ответил Ричард ровным тоном. – Но я понял, что засиделся. Уже довольно поздно. – Словно откликаясь на его слова, часы в гостиной пробили девять.

– Вам уже пора? – разочарованно спросила миссис Уоррен.

Лицо Джeneвив, напротив, осветила с трудом скрываемая радость. Пожалуй, дочь викария была бы рада, если бы гость спешно покинул не только их дом, но и Литтл-Деррик, причем навеки.

«Однако мы не всегда получаем то, чего хотим», – подумал Ричард, вставая.

– Мне в самом деле пора. Еще предстоит добраться до дома, а скоро стемнеет. Благодарю вас, мистер Барретт и миссис Уоррен за ваше любезное гостеприимство. Лорд Невилл, был рад знакомству. – Он поклонился Джeneвив. – Ваш покорный слуга, мисс Барретт.

– Уверены, что не хотите остаться на ночь? У нас есть свободная комната.

Тетя Люси смотрела на гостя с такой тоской, будто упускала последний шанс в жизни. Ричарду даже стало жаль Дженевив: если ее тетя так наседала на каждого потенциального жениха, неудивительно, что это закалило ее племянницу.

Он не мог остаться. Следовало хорошенько поразмыслить над следующим шагом, пересмотреть свою стратегию и... избавиться от странного влияния Дженевив.

– Не хочу вас стеснять в первый же день знакомства, – учтиво сказал Ричард.

– Раз вы так непреклонны, придется вас отпустить. – Викарий не скрывал своего разочарования.

– Дженевив, проводи мистера Эванса, – попросила миссис Уоррен.

Девушка отставила чай.

– Мистер Эванс, – учтиво произнесла она.

– Мисс Барретт.

Ричард взял девушку под руку, когда она поднялась. Дженевив словно вся окаменела, а едва они вышли в прихожую, почти отдернула руку.

– Каких-то пара шагов – и столько неприязни, – негромко заметил Ричард.

Дженевив стиснула зубы. Она всегда считала себя выше женских слабостей, не умела и не желала кокетничать, была чужда заигрываний, не стреляла глазами. Ей казалось, что подобные глупости, основанные на интересе пустоголовых девушек к противоположному полу, не имеют с ней ничего общего.

Однако сейчас Дженевив страдала от мучительного осознания того, что и ей интересен мужчина из плоти и крови. Впервые она переживала о чернильном пятне на запястье и о том, что не слишком тщательно причесана. Рядом с идеально одетым гостем ее собственный наряд казался простым и до невероятности скучным. Но более всего Дженевив раздражало то, что она почему-то переживает по этому поводу.

Дженевив прикрыла дверь, чтобы Гекуба не выскочила из гостиной. Они с мистером Эвансом остались наедине в небольшой прихожей. Дженевив показалось, что стены осязательно сжались, вынуждая их стоять слишком близко друг к другу. Он повернулся к ней с серьезным лицом.

– Чем я так вам не угодил, мисс Барретт?

Она вздохнула и постаралась улыбнуться.

– С чего вы взяли?

– Я чувствую, что не нравлюсь вам.

– А что, всем остальным вы нравитесь?

– Если скажу, что меня все любят, вы сочтете меня самовлюбленным идиотом.

– То есть вас все любят?

Ричард усмехнулся и склонил голову.

– По крайней мере, женщинам я нравлюсь.

Ее губы изогнулись в саркастической улыбке.

– Могу себе представить.

Ричард сделал шаг к Дженевив. Она с трудом не отпрянула, хотя инстинкт подсказывал, что сбежать в такой ситуации будет лучшим решением.

– Я бы хотел, чтобы мы подружились.

Это озадачило девушку.

– Зачем вам это?

– А ваш отец не сообщил вам новость?

Холодное предчувствие беды заметалось у нее внутри.

– Какую именно?

– Викарий пригласил меня поучаствовать в его научной работе. Завтра я покидаю Лейтон-Корт и переезжаю в ваш дом.

– О нет! – сорвалось с ее губ, прежде чем она успела прикусить язык.

– Мне жаль, что мое присутствие настолько вам неприятно, – с досадой произнес мистер Эванс.

Дженевив смущенно опустила глаза. Они были едва знакомы, а она уже успела оскорбить гостя. Но все же предстоящее соседство, завтраки и ужины за одним столом – это было как-то слишком!

– Прошу прощения. Я не хотела задеть вас своей неучтивостью.

Ричард взял шляпу со столика.

– Возможно, вы измените свое мнение, когда узнаете меня получше.

Скорее старая Гекуба научится петь арии Россини, подумалось Дженевив, но она оставила эту мысль при себе. Ей следовало вести себя более сдержанно. Особенно если мистер Эванс поселится с ней под одной крышей.

И как отцу могла прийти в голову такая мысль? Конечно, в своем доме он иногда принимал ученых мужей, некоторые из них платили ему ренту и оставались на какое-то время постояльцами, что облегчало совместную работу. Но дать кров первому встречному? Что ж, по всему выходило, что труд, над которым девушка втайне работала, становился все более актуальным.

– Как долго вы пробудете в Литтл-Деррике? – спросила Дженевив напряженно.

Что-то в улыбке мистера Эванса заставило ее отступить. Ей показалось, что это была первая искренняя улыбка гостя за все время его пребывания. Так улыбался бы тигр, загнав антилопу. Это вызвало ужас и странный трепет в теле девушки.

– Столько, сколько потребуется, – мягко, почти вкрадчиво ответил Ричард.

Весь день он изображал идеального гостя, обаятельного богача, внимательного человека. Но Дженевив успела заметить странное превращение, длившееся всего пару мгновений. Интуиция не подвела ее: мистер Эванс был не тем, за кого себя выдавал.

– Какой уклончивый ответ.

– Скажем так... я задержусь ровно на столько, сколько потребуется, чтобы вы оттаяли, моя дорогая Дженевив.

– Перестаньте заигрывать со мной, – твердо сказала она. – Вы флиртуете только потому, что это ваша привычная манера поведения. Со мной она не сработает.

На этот раз Ричард громко расхохотался. Это был приятный смех, открытый, настоящий.

– Вы снова уложили меня на лопатки, мисс Барретт. Какие бы уловки я ни применял, вы все время меня побеждаете.

Она не улыбнулась в ответ, хотя его удивительный смех эхом отозвался в ее сердце.

– Я предпочитаю искренних людей, мистер Эванс.

– А вот вашей тетушке мое поведение вполне по нраву.

Дженевив фыркнула:

– Моей тетушке понравится любой неженатый мужчина в радиусе пяти миль, если за него можно будет меня сосватать.

Опять смех в ответ! Этот раздражающий, открытый... приятный смех. Дженевив едва не улыбнулась, но вовремя сжала губы.

– Какая очаровательная женщина!

– И чем дольше мы будем оставаться наедине, тем ярче она будет представлять ваше кольцо на моем пальце.

Мистер Эванс небрежно прислонился к дверной притолоке и посмотрел на Дженевив так, как будто она обеспечила ему чудесное развлечение. Возможно, так оно и было. Вероятно, его слегка забавляли ее неловкость и прямолинейность. Должно быть, он с этим прежде не сталкивался.

– Вы говорите о браке с таким презрением, с каким говорят о нем светские повесы, – заметил Ричард.

– Вам виднее.

– Даже так? – Он сощурил глаза. – Вы сделали обо мне неверные выводы. Я всего лишь человек, преследующий научные интересы.

– Ах, оставьте! Научные интересы! Может, я и кажусь вам не слишком умной, но даже я понимаю, что вы бесконечно далеки от науки.

– Вот как? – Мистер Эванс окинул ее долгим задумчивым взглядом. – Мне кажется, я понял причину вашей враждебности. Дело не в том, что я вам не нравлюсь. Скорее, я не вызываю у вас доверия.

Дженевив опустила глаза. Как ловко он ее раскусил! Откуда такая проницательность в таком самовлюбленном человеке?

– А разве одно исключает другое? Быть может, вы не вызываете доверия и одновременно неприятны мне? – пролепетала девушка.

Ричард подошел ближе.

– Так я вам неприятен?

Дженевив уставилась на него, как кролик на удава. Ее никогда не целовали. Никто и никогда не касался ее губ своими. Но сейчас у нее было такое чувство, что он вот-вот ее поцелует. И это почему-то не возмущало ее, а заставляло трепетать от предвкушения.

– Пожалуйста, уходите. – У нее был хриплый, словно внезапно севший голос. – Тетя Люси решит, что вы как порядочный джентльмен должны будете на мне жениться, если я не вернусь в течение следующих пяти минут.

– Вы действительно не торопитесь выйти замуж, – задумчиво сказал мистер Эванс.

Алый цвет снова залил ее щеки, поэтому Дженевив ответила резко:

– Я не просто не тороплюсь. Я вовсе не хочу замуж.

– Ого, мисс Барретт, подобные высказывания могут шокировать.

– Я отдаю себя науке. Мое негативное отношение к браку не означает, что я готова на неприличные связи, – отрезала она.

Что это? Он наклонился или разыгралось ее воображение?

– Какая жалость. – Ричард внезапно выпрямился и водрузил на голову шляпу. – До завтра, мисс Барретт.

Дженевив обдало жаром. Ее отец, сам того не подозревая, привел волка в овчарню. Девушка расправила плечи, напоминая себе, что она умная и независимая, способная отличить редкий фолиант от бульварного чтива, а благородного человека от нечестивца.

– До сих пор не могу понять, что вам за радость жить под одной крышей с викарием и его семьей. Вам очень быстро наскучит наше общество.

– Я дам вам знать, если заскучаю.

– Да что же вам нужно, мистер Эванс? – вырвалось у нее.

Ричард отступил назад и поклонился со всей учтивостью, на какую был способен. В его спокойном, полном дружелюбия взгляде не было и следа того пламени, что горело всего пару минут назад. Словно он не взирал на нее, как кошка на полужадушенную мышь, с которой еще можно поиграть. Кажется, мистер Эванс снова менял правила.

Ричард вежливым жестом коснулся шляпы, откланиваясь.

– Доброго вечера.

Снаружи темнело, и ему пришлось взять со столика подсвечник. Этот жест вызвал в Дженевив какое-то смутное чувство узнавания. Чувство возникло и растворилось мгновение спустя.

– Удачной дороги, мистер Эванс, – произнесла девушка едва слышно.

Она думала, что бросится в свою комнату, едва за ним закроется дверь. Взбежит проворно вверх по лестнице и закроется у себя, не в силах перевести дыхание. Вместо этого Дженевив оставалась в прихожей, пока не услышала, как его экипаж удаляется прочь, грохоча колесами по булыжной мостовой.

Глава 5

Переехав в дом викария, Ричард получил совсем не столь занимательный досуг, как рисовало его воображение, разгоряченное после общения с прекрасной Дженовив Барретт. Викарий был настолько рад обзавестись помощником в научных трудах, а еще более благодарным слушателем своих скучноватых повествований, что гостю приходилось несладко. За неторопливую, усыпляющую болтовню и копание в пыльных бумагах приходилось еще и щедро платить, хотя ширина постели и размеры спальни явно того не стоили.

Даже Люси Уоррен была куда более приятной собеседницей, она болтала о пустяках и много смеялась. Однако по легенде Кристофера Эванса привела к викарию жажда знаний, а не любовь к пустой болтовне, и скрепя сердце он тратил свое время на научную работу.

Лорд Невилл зачастил в гости, следуя за Ричардом по пятам, предлагая помощь и задавая порой довольно каверзные вопросы. Судя по всему, новый любимец викария, да еще и живущий под одной крышей с Дженовив, внушал ему массу подозрений.

А печальнее всего было то, что сама Дженовив старательно избегала общения с ним.

Более того, ни в одном из разговоров – тайно или явно – Ричарду не удалось вывести ничего про фамильную драгоценность Хармзуортов. Если бы он не видел подвеску собственными глазами, впору было засомневаться, что она вообще существует. Все его осторожные расспросы о любых семейных реликвиях, все намеки тонули в бездне непонимания. Как будто обитатели дома и вовсе не знали о наследстве, полученном Дженовив.

Прошло три дня, а разочарование Ричарда только росло. Он ни на шаг не приблизился к финальной цели своего плана. Зато узнал так много о лондонском Тауэре и наследном принце, что голова раскалывалась от имени и дат.

Пришло время для более решительных действий.

Ранним утром, еще до рассвета, Ричард осторожно поднялся наверх и приоткрыл дверь в кабинет, где неделю назад застал спящую Дженовив. Удивительно, но и в этот странный час она опять была здесь, сидела, склонившись над бумагами. Догоравшая свеча бросала круг на крышку бюро и стены, освещала лицо девушки.

У Ричарда перехватило дыхание – настолько хороша была Дженовив в этот момент. С полминуты она сосредоточенно писала что-то на листке бумаги, затем повернулась к лежащему на полке портфелю. Оранжевый свет осветил горделивый профиль, прямой нос, упрямый подбородок. Тень от ресниц упала на скулы длинным темным клином.

Потянув портфель на себя, Дженовив вытащила из нее тетрадь. Ей пришлось наклониться в сторону, платье скользнуло с плеча, обнажив его.

Ричард встречал много красивых женщин. Они были романтичными и роковыми, нежными и зовущими. Но он впервые столкнулся со столь удивительным сочетанием невинности и ледяной грации, которым была наделена Дженовив.

Какая жалость, что девушка сразу же невзлюбила его новое воплощение – Кристофера Эванса. Впрочем, узнай она настоящего Ричарда Хармзуорта, ее неприязнь могла бы только возрасти – перед ней предстал бы не только повеса, дуэлянт и довольно жесткий тип, но и незаконнорожденный наследник барона.

Ричард продолжал любоваться точеным профилем девушки, ее обнажившимся плечом, когда по ступенькам взлетел Сириус, ткнул его под колено носом и ворвался в кабинет, распахнув дверь.

– Привет, пес! – негромко воскликнула Дженовив и принялась трепать Сириуса за загривок.

Ричард ощутил укол странной ревности. Если бы с такой теплотой она говорила с ним...

Девушка подняла голову, вздрогнула, заметив раннего гостя, ее лицо тотчас стало непроницаемым. Она быстро поправила платье, прикрыв плечо, и напряженно выпрямилась в кресле.

– Мистер Эванс?..

– Мисс Барретт.

Ему предстояло объяснить, за каким дьяволом его занесло наверх в такой час.

– Вы застали меня врасплох, – поджав губы, заметила Дженовив. – И признаться, напугали.

– Я этого не хотел.

– Возможно. Просто у меня нервы шалют после...

Ричард испытал внезапный приступ вины. Девушка вела себя так смело и уверенно перед лицом опасности, что он и заподозрить не мог страх под маской дерзости.

Пытаясь скрыть неловкость, Дженовив почесала Сириуса за ушами. Ричард вновь почувствовал укол ревности.

– Отчего вы не спите в такой час? – спросила она, не поднимая глаз.

Словно откликаясь на ее слова, за окном завел свою песню жаворонок.

Ричард решил, что лучше говорить начистоту. По крайней мере настолько, насколько может говорить начистоту человек, скрывающийся под чужим именем.

– Днем вы избегаете меня.

– Это полная чушь! – Дженовив не смотрела на него, а пальцы ее еще усерднее теребили уши собаки.

– Я въехал три дня назад, а мы едва обменялись парой слов.

– Но ведь вы здесь не ради моего общества. Вас привел интерес к науке. Вы же именно так сказали? – В ее голосе отчетливо сквозил сарказм.

Сириус с блаженным рычанием вытянулся у ее ног.

– Но ваше общество украсило бы мои дни.

Дженовив хмыкнула и прикусила губу. Ричард поймал себя на том, что не может отвести взгляд от ее рта.

Он вошел в кабинет и осторожно закрыл за собой дверь. Все полки и шкафы были заняты книгами и папками с бумагами, какие-то тетради лежали на бюро, записи на разного размера обрывках бумаги разбросаны повсюду. Это было странное зрелище, пожалуй, самая захламленная комната в доме. Оказавшись здесь впервые, Ричард не успел оценить обстановку, поскольку его вниманием целиком завладела женщина с пистолетом. Женщина и фамильная подвеска Хармзуортов.

Дженовив отложила перо.

– Я... должна помочь Доркас с завтраком.

Ричард не сдвинулся с места.

– Полагаю, Доркас еще спит.

– Но мы разбудим весь дом, если будем говорить так громко.

– Могу поспорить, здесь толстые стены, – усмехнулся Ричард и провел ладонью по стене.

Дом строился в семнадцатом веке, и строился на славу. Когда он запер Дженовив в кладовой, то почти не слышал ее угроз и протестов.

– Но нам... нельзя быть вдвоем в столь неурочное время! – Дженовив резко встала.

К несчастью, ее порывистое движение качнуло бюро и расплескало воду из стоявшего на нем стакана. Вода залила бумаги.

Ричард бросился к столу. Они принялись выхватывать тетради и записи из разливавшейся лужицы. Там, где вода касалась чернил, расплывались темные пятна.

В суете Дженовив налетела на Ричарда, когда бросилась спасать стопку писем. Его обдало тонким запахом осенних листьев и фиалок. Девушка отпрянула, лицо ее мгновенно стало пунцовым.

Он учтиво отступил назад и тотчас заметил, что из-под вороха бумаг тянется золотая цепочка. Итак, фамильная подвеска Хармзуортов перекочевала на стол и была погребена под записями. Подобная небрежность удивляла и возмущала.

Перехватив его взгляд, Дженовив сместилась чуть в сторону, стараясь отвлечь его внимание.

– Нам повезло, что воды пролилось совсем немного, – подвел итог Ричард, вытаскивая из кармана платок и проводя им по столешнице.

– Пострадали лишь мои записи, но я их легко восстановлю.

Она осторожно разложила исписанные листки на подоконнике, чтобы они быстрее сохли.

За окном светало. Ричард почувствовал, что упускает возможность растопить лед в сердце Дженовив. Еще минут десять – и проснется Доркас. Что же делать? Смутить ее внезапным прикосновением? Попытаться поцеловать?

От мысли о поцелуе Ричарда обдало жаром. Странно. Ему казалось, что лишь недоступность Дженовив влечет его. Сдайся она на его милость, ореол загадочности развеется, и он потеряет к ней интерес.

Так ли это?

Ричард вспомнил точеный профиль в неверном отблеске свечи, округлое плечо, открывшееся так невинно и соблазнительно. Чем бы ни была занята Дженовив, она казалась ему интересной. Испуганная, враждебная, задумчивая, она была удивительно настоящей. И это заставляло Ричарда чувствовать себя... Настоящим? Живым, обычным человеком, а не ублюдком, вынужденным следить за каждым своим словом и поступком.

Ричард огляделся по сторонам с подчеркнуто непринужденным видом.

– А чем вы занимались? Что это за работа?

Дженовив бросила на него подозрительный взгляд, когда он поднял стопку не тронутых водой бумаг.

– А почему вы интересуетесь?

О, Ричард интересовался! И не столько бумагами, которые взял с бюро, сколько подвеской на золотой цепочке – она теперь открылась его взору. Рубины, сапфиры и бриллианты сверкали в золотом обрамлении. Он видел драгоценность боковым зрением. Нельзя было так сразу обнаружить свой интерес перед дочерью викария.

– Судя по вашей враждебности, вы что-то скрываете. – Он посмотрел ей в глаза.

В ее ответном взгляде был вызов. Дженовив принялась перебирать бумаги, желая убедиться, что больше ничего не промочло.

– Вам нравится работать с моим отцом?

– Пожалуй, – уклончиво ответил Ричард.

Викарий говорил о своих работах увлеченно и с удовольствием, но блестящая латынь, тонкости греческого языка, которые он анализировал в своих трудах, наводили на мысль, что тексты писал не он. Уж слишком велика была разница между академическими текстами и простоватой, хотя и довольно грамотной, речью викария.

– Мне кажется, ему помогает более сведущий в истории человек, – предположил Ричард.

– Возможно. – Тень неудовольствия упала на красивое лицо Дженовив.

Ричард и прежде ловил смутные намеки на отчуждение между викарием и дочерью, но теперь у него не осталось сомнений. Дженовив никогда не участвовала в научных дискуссиях между отцом и его гостями, и, похоже, причина была не только в ее неприязни к новому жильцу.

Ричард задумчиво взял со стола письмо, которое девушка, очевидно, писала перед его приходом. Она вскочила из-за бюро с невероятной поспешностью.

– Не трогайте! – Дженовив вцепилась в бумагу.

– Это ваши собственные работы? – Понимая, что переходит всякие границы, Ричард потянул письмо к себе. Дженовив неохотно уступила и почти упала назад в кресло. Глаза Ричарда забегали по строчкам. Он положил первую страницу, приступил к следующей и через несколько минут отложил бумаги и поднял голову, изумленно глядя на девушку. – Так это все вы?

Дженовив нахмурилась, почти враждебно глядя на него. Серые глаза метали молнии, но плечи бессильно поникли.

– Не имею понятия, о чем вы говорите.

– Так самый острый ум этого дома вовсе не викарий, а его дочь? Вы пишете статьи за него!

Дженовив побледнела, вскочила, вырвала у него рукопись из рук и смяла бумаги.

– Что за нелепость?! Какой еще острый ум? Я обычная женщина.

Ричард рассмеялся, придя от ее горячности в восторг.

– Впервые вижу, чтобы умная женщина притворялась дурочкой. Вы удивительная!

Девушка сникла и нахмурилась.

– Вы же видели статьи отца. Они подписаны его именем.

– Да, но настоящий автор стоит передо мной.

Дженовив была готова отрицать очевидное. Но пытливый интеллект и острое внимание к деталям, идеальный анализ, продемонстрированные в статьях, были слишком узнаваемы.

– Перестаньте упрямиться, мисс Барретт. Ведь я прав?

В то время как девушка искала способ увильнуть от ответа, Ричард уже прикидывал, как использовать новые знания в своих целях. Можно ли будет получить фамильную драгоценность с помощью шантажа? Насколько Дженовив боится огласки своей тайны, чтобы продать подвеску?

Действовать подло не хотелось, поэтому Ричард пока отбросил мысль о шантаже. Нет, не отбросил, а просто убрал в дальний уголок сознания в надежде, что воспользоваться столь гадким планом не придется.

– У меня нет ученых степеней.

– Зато есть блестящий ум. А также сильнейшая тяга к знаниям, – возразил Ричард.

Он был впечатлен тем, сколь многого добилась девушка без специального образования. Не обращая внимания на ее сопротивление, Ричард взял руку Дженовив, сжимавшую скомканные бумаги, и осторожно поцеловал ее пальцы. Это не было попыткой соблазна, скорее, это был жест невероятного уважения к ее силе воли.

Дженовив бросила на него растерянный взгляд из-под ресниц. Она поняла, какой именно смысл вложил гость в этот поцелуй, и безропотно приняла его.

Когда он отпустил ее руку, девушка принялась расправлять скомканные бумаги.

– Я прошу вас не делиться с отцом своими подозрениями. Это может разрушить его репутацию.

– Но это несправедливо. Ваш талант и ваше упорство должны быть вознаграждены.

Дженовив вздохнула и развела руками:

– Отец обещал признать меня соавтором, после того как мне исполнится двадцать один, но этого до сих пор не случилось.

По тому, как поникли плечи девушки, Ричард понял, что ему признаются в очень личных вещах. Неудивительно, что она злилась на отца. Хармзуорт сочувствовал Дженовив, как человек со сложными семейными отношениями.

– И никто не подозревает?

– Для этого нет причин, – вздохнула Дженовив печально.

– Но ваша рука так узнаваема, – хмыкнул Ричард и сел на стул рядом с ее креслом. – Стоило углубиться в чтение, и у меня не осталось сомнений.

– Вы удивили меня, мистер Эванс.

– Просто между нами существует особая связь, мисс Барретт.

Она поглядела на него с осуждением.

– Перестаньте заигрывать. Это серьезная тема.

Ричард негромко рассмеялся и откинулся на спинку стула.

– Поверьте, я тоже вполне серьезен. – Помолчав, он высказал предположение: – Не кажется ли вам, что лорд Невилл что-то подозревает?

Лорд Невилл вел себя как сторожевой пес, почуявший нарушителя. Этот человек явно защищал свою территорию. Но что или кого он считал своей собственностью? Научные труды викария? Дружбу с самим викарием? Его незамужнюю дочь? Или все вместе?

Дженовив усмехнулась с удивившим Ричарда цинизмом:

– Лорду Невиллу очень хочется быть причастным к великим умам и открытиям. Спонсируя моего отца, он возвышается в собственных глазах.

Это было неожиданное мнение, однако вполне правомочное. Оно легко объясняло поведение лорда Невилла. Возможно, тому просто не хотелось делиться славой с внезапно возникшим на горизонте соперником.

– Послушайте, вы не должны прятаться в тени отца.

Внезапно девушка ответила с жаром, прижав ладони к груди.

– А я и не собираюсь! – Казалось, ей не терпелось поделиться наболевшим даже со случайным слушателем. – Я хочу опубликовать под своим именем статью о фамильной драгоценности Хармзуортов!

Господь милосердный! Ричард вытаращил на нее глаза и несколько секунд не мог прийти в себя от изумления.

Неудивительно, что Дженовив не хотела продавать артефакт.

Он спросил как можно небрежнее:

– Какой драгоценности?

– Да вот же она. – Девушка ткнула пальцем в подвеску на цепочке, лежавшую среди бумаг. – Мои изыскания потрясут ученый мир. По крайней мере, тех историков, которые изучают англосаксов, – добавила она горько, подчеркивая тем самым, что таких немного.

Взяв драгоценность со стола, словно это была безделица, Дженовив накрутила цепочку на палец. Камни в подвеске заиграли разноцветными лучами, отразив свет свечи.

Ричард еле удержался, чтобы не выхватить вожаделенную вещицу.

– Мне завещала подвеску прекрасная женщина. Увы, ее уже нет в живых. Она училась у Мэри Уолстонкрафт и была первой, кто догадался, что я пишу статьи для своего отца. Я благодарна ей за этот подарок, ведь это семейная реликвия.

Еще бы. Реликвия, черт бы ее побрал! Его семейная реликвия. И тетя Амелия, виконтесса Беллфилд, не имела никакого права передавать ее в чужие руки. Какого труда Ричарду стоило промолчать, не сознаться Дженовив, кому именно принадлежит подвеска.

– Видимо, эта дама очень ценила вас. – Он боялся, что голос дрогнет и выдаст его.

Терпение, напомнил Ричард себе, терпение. У него еще есть время заполучить проклятую подвеску.

– Я тоже дорожила нашей дружбой. Это была прекрасная женщина! – с пылом воскликнула Дженовив. – Ах, видели бы вы ее коллекцию старинных книг!

– Если виконтесса Беллфилд так уважала историю предков, не странно ли, что фамильную реликвию она отдала вам, а не своим прямым наследникам?

– Она не слишком ладила с Хармзуортами. Давний семейный скандал, знаете ли. Она считала, что наследник не имеет права претендовать на титул.

Ричард вздрогнул, как от пощечины. Даже под чужим именем в чужом доме он все равно был уязвим. Семейный позор несмываемым пятном лежал на нем, и стереть его было труднее, чем пятна чернил с залитых водой рукописей.

Но нет! Он не сдастся! Он вернет подвеску туда, где ей место, – в фамильное имение в Норфолке. Подвеска принадлежит семье Хармзуортов. А он, Ричард, был, черт побери, Хармзуортом, пусть и нечистокровным!

Ему всегда нравилась тетя Амелия, несмотря на ее суровый характер. И узнать теперь, что она также считала его ублюдком и порченной кровью, было больно. Привычный гнев заволохотился где-то в районе солнечного сплетения, сковывая ледяным жаром внутренности. Гнев и стыд.

По счастью, Дженовив изучала подвеску и не видела, как тени упали на лицо Ричарда.

– Я получила подарок с одним условием: племянник леди Амелии Беллфилд, Ричард Хармзуорт, никогда не должен владеть этой подвеской.

Будь проклята тетка Амелия, старая ведьма!

Гнев разрастался внутри, словно опухоль.

– Сомневаюсь, что поверенный Амелии Беллфилд станет преследовать вас, если вы продадите подвеску. Она ведь стоит немалых денег, – произнес Ричард, стараясь ничем себя не выдать.

Дженовив взглянула на него с неодобрением.

– Это же последняя воля покойной.

– Зато деньгигодились бы вам для покупки редких изданий.

Она смотрела, прищурившись.

– Странно, что вы это говорите. Несколько месяцев назад сэру Ричарду стало известно, что драгоценность у меня. Теперь он пытается выкупить ее всеми возможными способами.

– И какова цена?

Ричард предлагал баснословные деньги и не понимал причину ее упрямства. Зато теперь ему все стало ясно. Дженовив была предана тете Амелии и держала свое слово. Здесь шла речь о чести, а не о материальных интересах.

– Какая разница? – небрежно ответила девушка. – Меня больше удивило, зачем сэру Ричарду подвеска. Ее реальная цена не столь велика. А этот человек не слишком интересуется историей.

«Интересуется, – подумал Ричард устало. – Интересуется, и еще как!»

– Красивая вещица.

– Когда-то подвеску считали амулетом. Камни не столь хороши, однако легенда делает их бесценными. Говорят, Альфред Великий вручил подвеску предку Хармзуорта в благодарность за спасение от нападения викингов. С тех пор она передавалась от отца к сыну в знак наследования древнего титула. Такие легенды всегда придают исследованиям особое очарование.

– Зато для вас это всего лишь безделушка, которую даже нельзя носить, – голосом искusstителя проговорил Ричард. – Только подумайте, как вы могли бы использовать вырученные деньги.

Дженовив пожала плечами.

– Я не могу нарушить слово. Я очень уважала леди Беллфилд. Возможно, благодаря ее вере в меня, я не бросила учиться и достигла того, чего достигла.

– Так ли многого?

– Я говорю о знаниях и саморазвитии.

– Значит, вы так верны старой леди, чье тело уже предано земле, что согласитесь жить в тени отца всю свою жизнь? А ведь вы могли оплатить свое образование...

Дженевив покачала головой.

Ричард беспомощно глядел на нее.

Все тщетно. Семейная драгоценность была рядом, но он не мог ее получить. Украсть? Добавить к репутации ублюдка еще и славу вора?

– Не переживайте насчет денег, – заметила Дженевив. – Статья, основанная на моих исследованиях семейного древа Хармзуортов и происхождения подвески, принесет мне славу и деньги. Лишь в случае если я не смогу опубликовать статью, я подумаю о продаже подвески.

Надежда снова затеплилась в Ричарде.

– Если вы опубликуете статью, по вашему стилю все сразу поймут, кто пишет за вашего отца.

Ее лицо вспыхнуло.

– Труды отца посвящены Средневековью. Это совсем другая эпоха. А сходство стиля не так уж страшно. Все решат, что именно отец учил меня.

Не в силах больше сопротивляться, Ричард протянул руку к подвеске.

– Могу я взглянуть?

Глаза Дженевив сузились, словно она решала, достоин ли он такого доверия.

– Будьте осторожны, пожалуйста, – наконец произнесла она.

– Поверьте, я сама осторожность. – У Ричарда было куда больше причин относиться к подвеске с трепетом, чем у любого другого жителя Англии.

Вздохнув, Дженевив протянула ему удивительную вещицу. Ричард опустил голову, чтобы скрыть алчный блеск в глазах, взял подвеску из рук девушки. Золото было теплым, словно подвеска была живой. Несмотря на небольшой размер, драгоценность оказалась неожиданно тяжелой.

Поднявшись со стула, Ричард подошел ближе к окну – хотел рассмотреть каждый камень при свете рождающегося дня, а заодно и избежать пытливого взгляда Дженевив. Она не должна понять, как долго он ждал этого момента.

Все наброски, которые Ричард видел раньше, нисколько не передавали красоты изделия. Тонкое, извилистое тело дракона было золотым ложем для эмалевого овала с изображением святого, выполненного в наивной, почти детской манере. Овал обрамляла мелкая россыпь рубинов и сапфиров. Подвеска, по словам историков, была очень древней, однако эмалевые краски отлично сохранились.

Да, Ричард выдумал себе новую личность. В отличие от Кристофера Эванса он никогда не испытывал интереса к истории, но теперь, держа подвеску в руках, ощутил смутный трепет и почти благоговение перед веками. Он хотел обладать фамильной реликвией Хармзуортов так же сильно, как и Дженевив Барретт.

Ричард заставил себя оторвать взгляд от драгоценности и посмотрел на девушку.

– Вам не кажется, что разумнее хранить такие вещи в банке или хотя бы под замком?

Дженевив нахмурилась.

– Но подвеска нужна мне для работы.

– Ваша статья дороже этого сокровища?

– Но от статьи зависит мое будущее. – Дженевив не оправдывалась, понял Ричард, она действительно считала науку важнее денег и золота. – Если я создам себе репутацию талантливого историка, я смогу работать без отца. Я же говорила, что не собираюсь замуж, а отец не может содержать меня вечно.

Дженевив хотела оставить отца и жить самостоятельно. Теперь ее планы были ясны ему как божий день. Она не нуждалась в деньгах как таковых, поскольку их пришлось бы делить с семьей и всегда жить под одной крышей с викарием. У девушки были куда более амбициозные цели: она мечтала о независимости и уважении научного сообщества. Такая позиция невольно восхитила его.

– А ваш отец в курсе ваших планов?

На лицо Дженовив упала тень смущения.

– Я... еще не говорила с ним об этом.

– Полагаю, он не одобрит их.

Она подняла на него свои серые, полные мольбы глаза.

– Он не должен знать! Я хочу поставить его перед фактом, когда статья уже выйдет. – Дженовив помолчала. – Вероятно, вы считаете меня неблагодарной дочерью.

– Это ваша жизнь. И вам решать, что с ней делать. Вы и так немало поддерживали работу викария.

– Спасибо.

Ее плечи расслабились. Она смотрела на подвеску, которую никак не мог выпустить из рук Ричард.

– Вы знаете, – заметила Дженовив, – я удивлена, что грабитель не забрал драгоценность. Даже не зная о ее исторической ценности, он должен был польститься на золото и камни. Не понимаю, что в таком случае вор вообще хотел украсть? Денег в доме нет. Столовое серебро не слишком большой куш.

– Действительно, – пробормотал Ричард.

– Любой грабитель понял бы, что вломился в небогатый дом. Тогда что ему было нужно? Пожалуй, единственный, кто уверен, что здесь есть ценная вещь, – сэр Ричард Хармзуорт. Он мог подослать вора. – Услышав это, Ричард замер. – Однако я убеждена, что тот тип видел подвеску, но не взял ее. Не странно ли это? Ведь я... не сразу достала пистолет, – добавила девушка, оправдываясь.

– Возможно, он был ослеплен вашей красотой? – Ричард почти не шутил, говоря это.

Дженовив бросила на него задумчивый взгляд, не придав комплименту значения.

– Мы обыскали весь дом. Ничего не пропало. Это кажется слишком подозрительным. Знаете, что я думаю?

У Ричарда похолодело внутри.

– Что же?

– Это был не грабитель.

Проклятие! В самом деле, как он мог допустить такую промашку? Следовало взять любую ерунду, хотя бы разворошить пару ящиков якобы в поисках денег.

– Вы бы предпочли, чтобы вас ограбили? – с принужденным смешком спросил Ричард.

– Не говорите ерунды! – фыркнула Дженовив не слишком учтиво. – Но ведь странно, что вор ничего не тронул.

Кроме нее самой.

Девушка вспыхнула и отвернулась, вспоминая, как прижимал ее к себе странный грабитель.

Внезапно Ричард решился.

– Продайте подвеску мне. Я удвою любое предложение сэра Ричарда Хармзуорта.

Повисла тяжелая тишина. Его сердце замерло в ожидании ответа. Дженовив посмотрела на него в изумлении.

– О чем вы?..

– Драгоценность останется у вас до публикации статьи. Вы не продадите ее наследнику, а значит, не нарушите слово. У вас появятся деньги, которыми вы сможете распорядиться по своему усмотрению. Сэр Ричард больше не сможет давить на вас с покупкой. И вы закончите свою работу, – торопливо выложил Ричард.

Но девушка медленно покачала головой.

– Нет, подвеска не продается.

Ричард не мог понять, разочарован он очередным провалом переговоров или очарован ее упрямством. Никогда раньше он не сталкивался с женщиной, не знающей сомнений, когда дело шло об отстаивании личных интересов.

Глаза ее неприятно сузились.

– Могу я забрать подвеску?

Все в нем протестовало, когда он передавал драгоценность Дженовив. Она забрала золотое украшение из его непослушной ладони. Его рука была горячей – она торопливо отдернула свою.

– Я все же не поняла, какой была бы ваша выгода, мистер Эванс. Вы предложили большую цену, чем тот, кто действительно нуждается в подвеске.

Ричард заставил себя небрежно пожать плечами.

– У меня достаточно денег на любые прихоти. А у этой вещицы есть легенда. Если я очарован, то пускаюсь в погоню. И всегда получаю то, чего хочу.

Дженовив побледнела.

– Звучит безжалостно.

Кажется, он перегнул палку. Надо было срочно усыпить ее бдительность. В противном случае зародившееся в Дженовив доверие быстро уступит место подозрительности. Кроме того, Ричарду нравилось, когда она смотрела на него задумчиво или с улыбкой, а не с колющим недоверием.

– Не хотел вас напугать своими словами, мисс Барретт. – Он встал и прошелся по комнате. – Меня просто увлекла идея заполучить чужую семейную реликвию. – Он нарочито зевнул и потянулся. – Полагаю, сейчас самое время для завтрака.

– Надеюсь, вы не станете делиться с моей семьей новыми сведениями? – взволнованно спросила девушка.

– Ни в коем случае. Даю вам слово. – Ричард беззаботно улыбнулся, но, кажется, это не успокоило Дженовив. – Увидимся позже, мисс Барретт.

Он вышел из кабинета и зашагал вниз по лестнице. Сириус недовольно встал, помотал ушами и последовал за хозяином.

Несмотря на беспечный вид, на сердце у Ричарда лежал камень. Ему посчастливилось прикоснуться к фамильной реликвии. Этим утром он узнал гораздо больше о подвеске и ее нынешней хозяйке. Однако новые знания только усложняли задачу.

Глава 6

Когда все собрались в гостиной перед ужином, Дженовив вновь устроилась у окна с вышивкой. Она осторожно наблюдала за Кристофером Эвансом, опасаясь, как бы тот не сказал чего лишнего, однако гость вел себя так, будто утром ничего не случилось. Он играл с тетей Люси в какую-то глупую карточную игру, старательно поддаваясь своей сопернице. Замечая это, тетя Дженовив млела от восторга. Будь она моложе, вероятно, с удовольствием бы и сама вышла за него замуж.

Когда мистер Эванс покинул кабинет и оставил Дженовив с подвеской и бумагами, она какое-то время сидела в кресле совершенно неподвижно. Девушку преследовало ощущение, что она совершила чудовищную ошибку, так легко открывшись этому подозрительному человеку.

Дженовив не доверяла ему с момента встречи. Все в нем казалось ей фальшивым, начиная с красивого лица и безупречных манер и заканчивая мнимым интересом к научным трудам отца. А теперь он знал ее главную тайну и планы на будущее. Как безрассудно было дать ему такую власть над собой! Что, если мистер Эванс использует эти знания против нее?

Годы слепой преданности делу отца и его нежелание разделить с ней авторство дали Дженовив горький опыт. Меньше всего отныне она хотела быть зависимой и подчиняться чужой воле. Именно поэтому брак казался ей клеткой, в которую она не желала угодить. Муж будет ожидать от жены повиновения и поддержки в любой ситуации, но Дженовив слишком дорожила собственным мнением, чтобы променять его на чужое. Она хотела свободы, свободы от семьи и общественного мнения. А мистер Эванс...

Мистер Эванс мог все испортить.

Викарий и лорд Невилл, сидя за столом, обсуждали какую-то новую теорию, склонившись над научными статьями и новым фолиантом – подарком лорда Фэрбродера. Дженовив не любила лорда Невилла, но была благодарна ему за возможность работать с редкими книгами и рукописями.

Впрочем, щедрость соседа имела и обратную сторону. С появлением нового жильца лорд Невилл стал почти ежедневно посещать викария, и от его назойливого внимания просто некуда было скрыться. Это превращало повседневную жизнь Дженовив в ад. Избегать общества обоих джентльменов было почти невозможно, и это очень затрудняло ее работу.

Неделя выдалась непростая. Девушка помогала накрывать на стол и, как могла, развлекала гостей, хотя больше всего на свете хотела оказаться в кабинете и продолжить труд над статьей. Приходилось работать по ночам, а это слишком часто возвращало ее к мыслям о недавнем странном грабителе. Дженовив могла не опасаться нового вторжения теперь, когда каждую ночь в доме было сразу двое мужчин, однако она нервничала от близкого соседства с подозрительным Кристофером Эвансом.

Девушка склонилась над вышивкой в гаснущем свете дня. Пион по-прежнему выглядел не слишком эффектно, как бы вежливо ни отозвался о нем гость.

Она украдкой глянула в его сторону и тотчас наткнулась на его взгляд. Порывисто вздохнув, девушка отвернулась к окну. Опускался знойный вечер. В гостиной было душно. Сентябрь выдался необычно теплым в этом году.

Дженовив бросило в жар. Должно быть, надо шире распахнуть окно. В гостиной собралось слишком много людей... и животных. Она поднялась и потянула на себя оконную створку. Все это время мистер Эванс продолжал неотрывно следить за ней, словно изучая.

Девушка уселась обратно в кресло, откинула со лба выбившуюся прядь волос и взялась за вышивку.

Почему мистер Эванс смотрит на нее так внимательно? Возможно, дамам, которых он встречал на приемах, это льстило, но Дженеviv было не по себе. Может, в ней говорил страх быть раскрытой? По сути, она рассказала свою сокровенную тайну самому неподходящему человеку на свете, тому, кому сама не доверяла.

Сокровенная тайна...

Когда викарий предложил пятнадцатилетней Дженеviv помочь ему в научной работе – собрать материал для статьи о местных монастырях, – она с радостью взялась за труд. Ей льстило доверие отца, а неумная жажда знаний и интерес к науке подстегивали азарт. Когда написанная ее рукой статья появилась в журнале, подписанная фамилией отца, это совсем ее не задело, а лишь заставило гордиться своим успехом.

Дженевив продолжала ассистировать викарию в надежде однажды обрести собственное имя в науке, но время шло, а положение вещей не менялось. Отца устраивали ее работы и растущий опыт, а любое упоминание о самостоятельности раздражало. Когда Дженеviv достигла совершеннолетия, он и вовсе стал обижаться на ее просьбы об отдельных исследованиях.

Обида на несправедливость отца росла и сгущалась, словно туча, грозя вылиться в семейный скандал. Но все изменилось, когда в руки Дженеviv попала подвеска Хармзуортов – наследство леди Беллфилд. Возможность обрести независимость и собственную известность в науке забрезжила на горизонте. Дженеviv прекратила упрекать отца и затаилась.

Однако как бы ни хотелось ей быть твердой в намерениях и жесткой в расчетах, червячок сомнений точил ее изнутри. Сможет ли она оставить отца, отказаться работать с ним, практически предать? Как бы ни злилась Дженеviv на викария, она любила его всем сердцем. Но ей так нужны независимость и возможность заниматься любимым делом!

И как мистер Эванс с такой легкостью распознал ее стиль? За учтивыми манерами и сладкими речами, похоже, скрывался острый ум, хотя мистер Эванс и не производил впечатления интеллектуала. Такая прозорливость делала гостью честь, но еще больше настораживала девушку.

Почему, ну почему Дженеviv так легко признала его правоту? Она ведь могла отрицать свою причастность к работам отца, могла возмутиться самой мысли, что викарий выдает ее труды за свои. Неужели понимающая улыбка и мягкий взгляд мистера Эванса ввели ее в заблуждение и внушили ложное чувство доверия?

Дженевив с силой вонзила иглу в ткань.

Она пыталась поговорить с отцом и тетей Люси о том, что проживание гостя под их крышей нелепо и почти их компрометирует. Мистер Эванс вполне мог приезжать к обеду и уезжать после ужина. Но все, чего она добилась, это недовольство викария и обвинение тетей Люси в том, что девушка просто ревнует к тому вниманию, которым так щедро осыпают гостя домочадцы. Предположение было тем более смешным, что Дженеviv всем сердцем мечтала о свободе.

– А ваш розовый слон заметно вырос, – раздалось над ее ухом. Она вздрогнула и подняла голову. Стоявший рядом Кристофер Эванс указывал пальцем на ее бесталанную вышивку. Очевидно, он оставил карточную игру, чтобы уделить ей свое назойливое внимание.

Сириус с грохотом рухнул у ног хозяина. Пес нравился девушке, и она тотчас почесала его за ухом.

– Вы прекрасно знаете, что это пионы, – холодно заметила Дженеviv. Ей хотелось вести себя как можно более отстраненно после разговора с мистером Эвансом утром в кабинете.

До тети Люси, видимо, донесся ее голос, поскольку пожилая леди неодобрительно покачала головой.

Мистер Эванс не смутился.

– Я думал, вы пошутили в тот раз. На вышивке все точнее проступают очертания слона.

– Розового?

– Слон чем-то смущен. – Кристофер Эванс одарил ее белозубой улыбкой.

– Это звучит оскорбительно, милорд, – процедила Дженовив и принялась раздраженно тыкать иглой в ткань.

В этот момент гость рассмеялся, и от его смеха, такого легкого и беззаботного, у нее сжалось сердце.

– Простите мои дурные манеры, мисс Барретт, – сказал Кристофер Эванс. – Мне жаль, что мое замечание задело вас.

По тону было ясно, что мистер Эванс сознательно старался обидеть девушку. Дженовив яростно орудовала иглой, не в силах избавиться от мысли, что рисунок в самом деле все больше напоминает огромного розового слона с малиновыми ушами. Чертов Кристофер Эванс и его издевки!

Несмотря на ее необщительность, собеседник не собирался возвращаться к картам или работам викария. Он явно ждал приглашения остаться на ужин, которое – можно было не сомневаться! – тут же было бы принято.

Дженовив подняла глаза и поймала насмешливый взгляд мистера Эванса.

Гость был одет просто, но с большим вкусом. Более того, даже девушка из глубинки, вроде Дженовив, могла заметить великолепный пошив костюма и качество тканей. И как ему удавалось идеально завязать шейный платок при отсутствии личной прислуги? Мысли о собственной небезупречности заставили девушку надеть накануне вечером лучшее свое платье и заколоть на плече брошь, доставшуюся от матери. Однако, сообразив, чем именно продиктовано такое поведение, Дженовив раздраженно отколола брошь и бросила ее на туалетный столик. Ей было стыдно за желание впечатлить гостя.

– Извинения приняты, мистер Эванс.

Он учтиво поклонился.

Дженовив не отрывала взгляда от его сапог. Они были такими ухоженными, словно их только что купили. Ее собеседник наклонился и погладил рукой лохматую собаку. Удивительный контраст был между хозяином и его псом!

– Как вы завели Сириуса? – не удержалась она от вопроса и тотчас добавила: – Уж слишком явный между вами контраст.

– Вы правы, мисс Барретт. Сириус слишком хорош для такого недостойного человека, как я. Пожалуй, именно поэтому я так дорожу нашей с ним дружбой.

Дженовив нахмурилась, пытаясь понять смысл этой странной шутки, но ее собеседник говорил на полном серьезе. Не успело ее сердце сжаться от сочувствия, как на лицо мистера Эванса вернулось веселое выражение.

– Но вам куда больше подошла бы борзая или хотя бы мопс.

Он громко расхохотался, заставив лорда Невилла вздрогнуть. Это был рокочущий низкий смех, похожий на далекий шторм.

Какая-то часть души Дженовив устремилась навстречу этому звуку. Как бы ни хотелось ей отрицать это, но голос и смех нежеланного гостя завораживали ее.

– Вы сказали... мопс? Какая жестокость! Я понимаю, вы мстите мне за розового слона, но это как-то чересчур.

– Я имела в виду любую собаку с родословной, сэр.

Странная серая тень упала на его лицо, сделав взгляд жестким и колючим. Как если бы само слово «родословная» раздражало его. Это было удивительно, если учитывать манеры и происхождение мистера Эванса.

– Люди частенько переоценивают значение хорошей родословной.

Дженовив смотрела снизу вверх, пытаясь прочесть в его глазах хоть какую-то подсказку, объясняющую его внезапную мрачность.

– Так как вы завели Сириуса?

– Как я завел Сириуса? – Выражение лица мистера Эванса смягчилось. – Может, это Сириус завел меня? Поверьте, у нас равноправные отношения. Мы дружим уже три года. Однажды Сириус просто пришел к моему дому и остался, оказав мне этим честь. Полагаю, он гораздо достойнее большинства людей, которые пересекали порог моего дома.

Дженевив смягчилась против собственной воли. Как можно говорить ледяным тоном с человеком, который с такой теплотой отзывается о собаке? Пришлось напомнить себе, что дружба с четвероногими не всегда означает благородство поступков по отношению к людям. Однако злиться уже не получалось.

Кристофер Эванс уловил этот момент, перестал гладить пса и посмотрел ей прямо в глаза. Без привычной защитной маски лицо Дженевив выглядело слишком уязвимым и открытым. Она силилась жестко стиснуть губы, но почему-то все равно улыбнулась.

А он улыбнулся в ответ.

Лишившись дара речи, девушка смотрела на Кристофера Эванса и восхищалась им. Она никогда не думала о мужчинах с точки зрения внешней привлекательности и теперь совершала одно открытие за другим: глаза пронзительного синего цвета, прямые, резко очерченные скулы, сильное, мускулистое тело, длинные ноги...

Мистер Эванс прищурился:

– Что-то не так, мисс Барретт?

Мог ли он притворяться? Мог ли он выдумать историю с собакой и украсить ее личными деталями специально, чтобы растопить лед их отношений?

– Я не... – Она неловко выронила пальцы.

– Дженевив...

Оба бросились поднимать вышивку. Заметив это, девушка вовремя отдернула руку. Она не могла допустить касания их пальцев!

К счастью, именно в этот момент тетя Люси перестала тасовать карты, отбросила колоду и поднялась. Пригревшаяся на ее коленях Гекуба, противно взвизгнув, спрыгнула на пол.

– Шесть часов, – возвестила тетушка. – Время ужина. Надеюсь, вы не откажетесь составить нам компанию, мистер Эванс.

Часы на каминной полке пробили шесть раз.

– С радостью, миссис Уоррен.

Дженевив торопливо забрала вышивку, протянутую мистером Эвансом, и выпрямилась в кресле. Необходимо было взять себя в руки. Что за странности с ней творятся?

Она осторожно поглядела на Кристофера Эванса из-под ресниц. Теперь он улыбался. Улыбался с пониманием. Ее затошнило от ужаса. Что именно он понял по ее растерянному виду? Гость не выглядел удивленным, скорее был похож на человека, чьи тайные желания внезапно стали осуществляться.

Дженевив встала, заставляя себя двигаться неторопливо, без суеты, положила на подоконник розового слона и с гордо поднятой головой прошла мимо Кристофера Эванса к двери. По пути она поймала странный, неодобрительный взгляд лорда Невилла.

Почему каждый мужчина в этом доме пытался подкараулить ее в моменты слабости? Как будто она совершала что-то предосудительное, например, танцевала голой в таверне или целовалась с женатым мужчиной в церкви.

Но даже зная, что не сделала ничего постыдного, Дженевив умирала от стыда. Она потопилась скрыться на кухне, чтобы помочь Доркас с ужином. Ей срочно требовалась передышка.

Как ни странно, лорд Невилл вышел из гостиной следом за ней. Догнав Дженевив на лестнице, он схватил ее за руку. Девушка почувствовала исходящий от него неприятный запах и попыталась с возмущением отдернуть ладонь, повернувшись к лорду Невиллу всем корпусом.

Дверь в гостиную плавно закрылась, погружая лестницу в полумрак. Лицо мужчины показалось ей враждебным.

До чего же она стала нервной! Вторжение вора превратило ее в истеричку. Она знала лорда Невилла почти всю свою жизнь. Да, он не слишком ей нравился, но никогда ничем ее не задел. Почему теперь его лицо пугало ее?

Дженевив вновь попыталась отдернуть руку.

– Скажу вам прямо, мне не нравится этот человек, – негромко сказал лорд Невилл. – Что-то в нем внушает мне подозрение.

– Но папе он нравится. И ведет себя учтиво, – пробормотала Дженевив.

Она понятия не имела, почему защищает Кристофера Эванса, вместо того чтобы согласиться с лордом Невиллом.

– Ваш отец силен в науке, но плохо разбирается в людях. К тому же восхищение мистера Эванса льстит его самолюбию.

– Сомневаюсь, что он замышляет неладное, – солгала Дженевив.

– Но мы не можем быть в нем уверены. – Губы лорда Невилла неприятно искривились. – А почему он назвал вас по имени?

Ее щеки зарделись. Она надеялась, что в темноте румянец останется незамеченным.

– Всего один раз.

– Но это оскорбительно. Мистер Эванс должен уехать, пока его поведение не скомпрометировало вас.

Дженевив могла согласиться с лордом Невиллом во всем, кроме одного: он не имел права судить гостя, поскольку не был связан с ней родственными узами. Она выпрямилась и резко отдернула руку.

– Уж не хотите ли вы сказать, что я дала мистеру Эвансу повод? – В ее голосе звенел лед.

Плечи лорда Невилла странно поникли, и Дженевив поняла, что поступила правильно, избрав тон оскорбленной добродетели.

– Дженевив, вы благочестивая женщина. Вина лежит вовсе не на вас, а на этом...

– И поэтому вы сами позволяете себе звать меня по имени? – Глаза ее сузились. – Мне кажется, милорд, вы лезете не в свое дело.

Он был явно обижен в лучших чувствах.

– Я всего лишь хотел защитить ваши интересы. Вы знаете, как глубоко и сильно я... уважаю вас, мисс Барретт.

Дженевив стало слегка неловко. В конце концов, она говорила не с посторонним человеком, а с коллегой и покровителем отца.

– Лорд Невилл...

Дверь гостиной распахнулась, выпуская мистера Эванса в сопровождении лохматого пса. Заходящее солнце обрисовало его силуэт в дверном проеме. Он замер, оценивая ситуацию, его тело напряглось, словно готовясь к прыжку. Сириус вопросительно посмотрел на хозяина.

– Все в порядке, мисс Барретт? – спросил Кристофер Эванс негромко. Это был покровительственный тон, и от него у Дженевив по спине побежали мурашки.

Зато ответный тон лорда Невилла оказался почти визгливым.

– Вы прервали личный разговор, милорд!

– Я всего лишь хотел вывести собаку из обеденной зоны, – очень медленно, почти по слогам произнес мистер Эванс.

Лорд Невилл смерил его взглядом, который вышел бы более внушительным, будь лорд Невилл выше ростом, чем его соперник. Презрение и злость читались в каждом его шаге, когда он решительно проследовал обратно в гостиную.

Да, между этими двумя мужчинами с самого начала не было особой приязни, но впервые общение вылилось в открытую конфронтацию.

Дженевив вздохнула.

– Полагаю, он хотел настроить вас против меня? – усмехнулся мистер Эванс.

Девушка скрестила руки на груди.

– Полагаю, теперь вы будете настраивать меня против него?

Кристофер Эванс не собирался ее разубеждать.

– Почему вы так нервничаете в моем присутствии, мисс Барретт? – спросил он.

– Совсем нет, милорд. – Она повернулась к нему спиной и зашагала по лестнице. Казалось, даже ее юбка шелестит возмущенно. Должно быть, вероломный мистер Эванс смотрел ей в след, пока она не скрылась на кухне. Однако никакая сила не могла заставить Дженевив обернуться и встретиться с ним взглядом.

Глава 7

Ричард внезапно проснулся посреди ночи. Он неподвижно лежал на узкой неудобной кровати и пытался понять, что его разбудило.

Все было тихо. Лунный свет лился в окно. Ночь выдалась душной, поэтому Ричард спал голым. Его одежда висела на спинке дубового стула. Створка окна была распахнута, дверь чуть приоткрыта, чтобы создать поток воздуха.

Сириус вытянулся у окна, его громоздкий силуэт тонул в тени, однако голова была приподнята, уши тревожно торчали. Пес выглядел настороженно.

Ричард услышал тихий скрип двери соседней комнаты, затем осторожные, едва различимые шаги по лестнице.

За стеной слышался храп викария. Храп потоньше и поделикатнее, принадлежавший горничной Доркас, доносился с чердака. Это значило только одно: шаги могли принадлежать либо миссис Уоррен, либо, что еще волнительнее, Дженеив.

Двигаясь медленно, чтобы не скрипнула кровать, Ричард сел и потянулся за бриджами и рубашкой. В такую жару одежда казалась неудобной и слишком плотной. Натягивая легкие сапоги, он услышал, как тихо закрылась входная дверь. Кто бы ни гулял в такое время по дому, действовал этот человек весьма осторожно, а двигался, как призрак.

Ричард выглянул в окно. Внизу некто, закутанный в темный плащ, пробирался через сад, ловко перескакивая через грядки с салатом. Невозможно было разобрать, кто именно удаляется от дома, однако миссис Уоррен точно не была способна так грациозно порхать над осенним урожаем. Значит, это Дженеив.

Он следил за тем, как девушка, постоянно оборачиваясь, добралась до конюшни. Ричард не хотел преследовать ее раньше, чем она перестанет ожидать погони. Если бы он слишком высунулся в окно, Дженеив могла заметить его в лунном свете.

Итак, куда держала путь очаровательная мисс Барретт?

Встреча с таинственным любовником?

От этой мысли Ричарда пронзил ужас. Он считал Дженеив невинной особой, поскольку ей были чужды кокетство и желание нравиться противоположному полу. Ее суровый отпор вызывал в нем уважение, а решимость в достижении целей и вовсе повергала в трепет. Да, сегодня вечером на какое-то мгновение девушка ослабила оборону. Между ними точно проскочила искра, но и только. Она противилась его чарам, а он читал в этом признаки скромности и невинности. Но что, если ее сердце уже занято?

Дьявол!

Ричард бросился вниз по лестнице, стараясь не топтать. Входная дверь, сад с грядками, конюшня... Сириус скользил рядом беззвучно, как привидение.

Торопливо приоткрыв заднюю калитку, Ричард огляделся. Дженеив и след простыл. Беспомощно он крутил головой по сторонам, пытаясь понять, куда она делась. Выругавшись сквозь зубы, он наклонился к псу.

– Искать Дженеив, Сириус. Искать Дженеив, – прошептал он на ухо псу.

Секундное замешательство – Сириус понесся стрелой к полуразрушенной кирпичной стене, отделявшей владения викария от земель Лейтон-Корта. Он быстро проскользнул через ржавые ворота, почти сорванные с петель. Ричард бросился вслед за Сириусом и тоже проник на чужую территорию.

Это был даже не луг, а просто густые заросли травы, местами достигавшей его плеча, а под старыми полусухими яблонями доходившей до самой макушки. Крапива, таволга, завитые плющом... Ричард пробирался по едва приметной тропе сквозь настоящую зеленую чащу.

Местами попадались проплешины, покрытые клевером и донником, покачивались серебристые в лунном свете колосья луговых злаков.

Сириус ждал Ричарда у опушки леса, а дождавшись, бросился к частоколу деревьев. Здесь было темнее, тропа шла вниз, под ногами шуршали листья, земля становилась все более влажной. Свежие ароматы пьянили, ветки шелестели всюду, словно вокруг танцевали призраки.

Ричард уже стал сомневаться, что взволнованный Сириус преследует Дженовив, а не идет по следу кролика, когда лес внезапно закончился на краю некрутого обрыва. Едва не полетев вниз, Ричард ухватился за толстую ветку дуба и взгляделся вслед бегущей собаке.

У него перехватило дыхание.

Дженовив не искала встречи с тайным любовником. Она отправилась плавать. Поверхность пруда была покрыта серебристой в лунном свете рябью. Тут и там были разбросаны небольшие кувшинки, покачивалась осока. От тела Дженовив, по пояс вошедшей в воду, расходились круги.

Ричард не знал, как долго стоял, вцепившись в ветку и не отрывая взгляда от удивительного зрелища. Он был изумлен, очарован.

То, как уверенно Дженовив входила в воду, говорило о ее частых визитах к пруду. Очевидно, она совершенно не боялась чужих глаз. Все дальние земли герцога Седжмура были давно заброшены.

Ричард принялся осторожно обходить пруд, чтобы найти более удобную позицию для наблюдения. Он подбирался все ближе, пока под кустом ракитника не заметил небрежно брошенные плащ, платье и полотенце.

Ричард улыбнулся, предвкушая то, что произойдет дальше.

Дженовив беззаботно плавала, сильными гребками рассекая воду. Потом утомленная повернула к берегу. Вода была прохладной и умиротворяющей. Здесь, наедине с природой, девушка чувствовала себя куда более уверенной, чем дома в обществе семьи и Кристофера Эванса. Пруд она обнаружила давно, когда отец перевез ее и тетю Люси в Литтл-Деррик. Ей было всего десять, когда умерла ее мать, и только здесь пролитые слезы приносили ей облегчение.

За прошедшие пятнадцать лет ни одна живая душа не встретилась ей по дороге к заросшему пруду в чужих заброшенных землях. Порой ей казалось, что это особенное, почти сказочное место, в которое может проникать только она, а входом служили старые ржавые ворота.

Сегодня девушка отчаянно нуждалась в одиночестве, поэтому выскользнула из дома среди ночи и направилась в свое тайное убежище. События последних дней волновали Дженовив, общение с Кристофером Эвансом лишало покоя, воспоминания о грабителе заставляли нервно вздрагивать от ночных шорохов. Она чувствовала себя в безопасности лишь в своей крохотной комнате, потому что это было единственное место, куда не вторгались нежеланные гости. Дженовив не могла больше работать над исследованиями викария, потому что все ее мысли были заняты собственной работой и маячившей впереди свободой.

Дженовив почти вышла из воды, но решила сделать еще круг. Не хотелось покидать приятную прохладу. Наконец она стала пробираться к берегу и кустам, в которых обычно оставляла одежду.

Что-то зашуршало в подлеске – девушка вздрогнула. Она никогда не думала, что сюда могут проникнуть цыгане или браконьеры, но такая опасность все же существовала.

– Кто здесь? – спросила Дженовив дрожащим голосом.

Ступая осторожно и озираясь, девушка вышла из воды и бросилась к кустам. Быть может, стоило сразу кинуться наутек, но не могла же она явиться домой совершенно голой. Сердце, как безумное, колотилось в груди. Сейчас Дженовив жалела, что никогда не брала на прогулки пистолет. Он был заперт в ящике бюро вместе с подвеской Хармзуортов.

Дженевив сжалась от ужаса, когда из кустов с треском вырвалось что-то темное и бросилось к ней. Она слабо вскрикнула, но тотчас узнала Сириуса.

– Ты напугал меня, пес! – с облегчением воскликнула девушка. – Ты сбежал от хозяина? Он и тебя раздражает, да?

Она потрепала пса по холке и принялась искать плащ.

Ей нравился Сириус. Он был умным животным, а Дженевив уважала чужой интеллект. Если бы в этот момент пес ответил ей, она бы не удивилась. В таком сказочном месте могло произойти все, что угодно.

Засмеявшись своим мыслям, Дженевив продолжала искать одежду под кустом ракитника. Плащ и платье были на месте, а вот полотенце бесследно исчезло.

– Сириус, это ты утащил мое полотенце? Если так, будешь иметь дело с Гекубой!

– Не вините Сириуса, он совершенно ни при чем, – раздался позади знакомый голос.

Дженевив застыла, покрываясь мурашками ужаса. На плечи ей опустилось полотенце.

– Господь милосердный! – Она едва дышала, униженная и полная праведного гнева.

Торопливо закутавшись в полотенце, девушка резко обернулась. Она понимала, как мало скрывает ее скудное одеяние.

– И давно вы наблюдаете за мной?

Мистер Эванс стоял буквально в метре позади. В полумраке он казался еще более высоким и широкоплечим. Поза его была небрежной, однако напускная расслабленность не обманула девушку: этот человек был собран внутри, словно гончая перед рывком.

– Достаточно давно.

Дженевив сухо сглотнула.

– Вы не имели права...

– Все верно. Но ни один мужчина из плоти и крови не упустил бы шанса увидеть вас обнаженной в лунном свете, мисс Барретт.

Обжигающий стыд затопил Дженевив с головой. Этот вероломный человек посмел подглядывать за ней, вторгся в ее тайное убежище, осквернив его своим присутствием! Он украл очередной секрет Дженевив вслед за тайной ее научной работы и авторством статей викария. Еще один мужчина после отца вероломно разбивал ее мечты!

Она испытала приступ жгучей ненависти к Кристоферу Эвансу, а тот явно наслаждался ситуацией. Ее смятение и гнев только забавляли его.

Девушка прикусила губу. Никто и никогда не видел ее обнаженной.

– Вы не джентльмен, мистер Эванс!

– Мисс Барретт, я понимаю ваше возмущение. – Он рассмеялся – и мурашки забегали по спине Дженевив. – Но вы так мило ругаетесь. Неужели в подобных обстоятельствах вам не пришли на ум выражения покрепче?

– Вы негодяй и подлец! – Она вытаращила глаза от собственной дерзости. – Это вам больше по душе?

– Гораздо больше.

От неловкости Дженевив попыталась оправить платье... и нащупала только полотенце. Румянец смущения заставил ее щеки пылать.

– Вы находите все это забавным, милорд? – воскликнула она, борясь с душившими ее слезами. – Буду благодарна, если вы немедленно уйдете.

– Простите, дорогая мисс Барретт. Мне невероятно жаль, что я так глубоко оскорбил ваши чувства. – Однако, сказав это, мистер Эванс не тронулся с места.

– Не пытайтесь быть учтивым.

Он наклонился за лежавшим на траве платьем и протянул его Дженевив.

– Думаю, прекрасное зрелище, которое я сегодня увидел, стоит небольшой учтивости, – усмехнулся Ричард.

Ей показалось, что теперь горят не только щеки, но и уши и, кажется, даже макушка. Невыносимо было сознавать, что этот негодяй способен выиграть в любой словесной стычке, особенно когда она не одета и скомпрометирована. Дженовив хотелось броситься на него и отхлестать по щекам за дерзость и вероломство.

– Прошу вас, уходите, мистер Эванс! – простонала девушка.

– Никакая сила не заставит меня уйти, ваши мольбы и уговоры бессильны. – Ричард приблизился осторожно, но Дженовив сделала шаг назад. – Учитывая, что наши отношения перешли на новый, интимный, уровень, полагаю, пришло время называть друг друга по имени. – Он снова приблизился. – Зови меня Кристофером.

– Вы достойны только гадких эпитетов, мистер Эванс, – холодно отозвалась Дженовив и вновь отступила. Жесткая трава колола босые ноги.

– У вас мурашки даже на шее. Одевайтесь.

– Я не стану одеваться при вас!

Он улыбнулся, но при свете луны улыбка эта показалась Дженовив алчной и пугающей.

– Обещаю, я не буду смотреть.

– Я верю только слову джентльмена. А джентльмен давно бы удалился, – бросила девушка с вызовом. Или ей просто хотелось думать, что в ее словах звучит вызов.

Никогда в жизни с ней не случилось ничего более неприличного и ужасного. Конечно, в случившемся надо винить только саму себя. Как можно было пойти на пруд в жаркую ночь, когда в доме живет посторонний мужчина, а все окна распахнуты настежь? Следовало предположить, что мистер Эванс ни в коем случае не упустит шанс последить за ней.

– Я отвернусь, Дженовив, – сказал Ричард и в самом деле повернулся к ней спиной.

Мгновение девушка смотрела Ричарду в затылок, прикидывая, стоит ли ему доверять, однако вариантов у нее не было. Торопливо отбросив мокрое полотенце, она натянула старое домашнее платье и закуталась в плащ.

– Уже все?

– Да, – буркнула Дженовив.

– Чувствуете облегчение? – Он пробежался по ее фигуре таким пытливым взглядом, что она невольно вновь почувствовала себя обнаженной.

Дженовив подавила желание скрестить на груди руки, закрываясь от его взгляда.

– Зачем вы следили за мной? – спросила она. Впрочем, она заранее знала ответ. Гость играл с ней с первого дня, словно кот, пытавшийся поймать маленькую мышку. Он хотел знать все ее секреты и не упустил возможности сунуть нос в еще одну тайну.

– Я подумал, что у вас свидание с тайным любовником.

Дженовив удивилась:

– Свидание? У меня? Нет у меня никакого любовника!

Его бровь вопросительно изогнулась.

– Тогда осмелюсь предложить свою кандидатуру.

– Что? – Она бы отпрыгнула назад, но кусты ракитника цепляли ее подол. Не спасаться же бегством в кусты. – Если мой отец узнает, что вы приставали ко мне...

– ... Ночью у пруда? – закончил мистер Эванс. – Вы скажете ему о своих купаниях?

– Я могу... немного изменить обстоятельства.

В его глазах промелькнуло что-то пугающее, и Дженовив все же попятилась.

Юбка зацепилась за торчавшую ветку, нога запуталась в плюще, завивавшем ракиту. Покачнувшись, Дженовив чуть не упала, но мистер Эванс поймал ее запястье и помог удержаться на ногах.

– Осторожнее, мисс Барретт.

– Пустите!

Девушка дышала так часто – то ли от страха, то ли от волнения, – что боялась задохнуться. Сердце колотилось почему-то в горле, а грудь болезненно сдавило под платьем. Высвободив руку, она дернула подол, отцепляя платье от веток.

– Я буду очень глуп, если упущу этот шанс, – задумчиво произнес мистер Эванс, словно говорил сам с собой.

– О чем вы?

Сердце ее замерло и не билось до тех пор, пока не последовал ответ:

– Я хочу поцеловать вас. – Ричард смотрел на нее в упор, улыбка исчезла с его лица.

Дженевив не знала, чувствует ли она ужас или облегчение. Подумала, что ее собеседник говорит о каких-то более... неблагоприятных намерениях, поэтому поцелуй не показался столь уж страшной перспективой.

– Не можете же вы...

– О, уверяю вас, могу. – Ричард улыбнулся и сделал шаг вперед.

– Не делайте этого! – как-то уж очень жалобно попросила Дженевив и мысленно отругала себя за такой тон.

Он рассмеялся теплым, ленивым смехом, словно кот, уже загнавший мышку в угол, но решивший дать ей еще немного свободы.

– Что ж, тогда поспешите домой, мисс Барретт.

Иллюзия побега: испуганная мышка, большой хитрый кот.

– Вот так просто?

– Конечно. Что может быть проще? – Его улыбка стала еще шире. Ричард отступил к воде и сделал широкий жест в сторону леса. – Возвращайтесь под крылышко викария.

Дженевив гордо вздернула голову.

– Желаю вам спокойной ночи, мистер Эванс, – сказала девушка решительно. Она, разумеется, не доверяла ему, но, похоже, ее отпускали домой невредимой.

Резко отвернувшись, Дженевив зашагала прочь. Смутное ощущение сожаления почему-то поселилось в ней. Трава хлестала по лодыжкам, цеплялась за плащ, как будто пыталась удержать.

Девушка почти достигла подлеска, когда раздался его голос:

– Жаль.

Остановившись, Дженевив обернулась. Мистер Эванс по-прежнему стоял у воды, силуэт подсвечивала луна, словно превращая его в статую из серебра и черного дерева. Еще никогда мужчина не вызывал в ней трепета или хотя бы интереса, но в мистере Эвансе было что-то такое, от чего благоразумие Дженевив испарилось без следа.

Повисло молчание – тягостное, бесконечное. Ночные ароматы пьянили, в траве стреко-тали цикады, по воде бежала светлая рябь.

– Жаль? – отозвалась наконец девушка.

Ричард рассмеялся.

– Жаль, что вы такая трусиха, дорогая.

– Не называйте меня так! – рассердилась Дженевив.

– Стоит начать с вами флиртовать, вы бросаетесь наутек под прикрытия вашей рассудительности и холодности. Личный разговор пугает вас. Любая попытка перейти привычные границы заставляет вас пасовать. Вы ведете себя, как старая дева, со своими пыльными фолиантами и вредной кошкой. – Ричард засмеялся. Он говорил мягким, подтрунивающим тоном, лишенным жесткости, несмотря на откровенно обидные вещи. – Как же вы сделаете смелый шаг и опубликуете статью, если боитесь самой себя, Дженевив?

Ричард словно вызывал ее на дуэль. Провоцировал. Заставлял вернуться и совершить необдуманный поступок.

Беги, беги прочь, твердил ее внутренний голос.

– И вовсе я не боюсь! – выкрикнула Дженевив. – Вы говорите о моей работе, но думаете даже не о поцелуях, а совсем о... других вещах!

– Других вещах? Вы боитесь, что за поцелуем последует что-то еще? – Ричард покачал головой. – Клянусь, нет. Вас целовали когда-нибудь?

Боже! Она почувствовала головокружение.

– Мистер Эванс, мне все-таки не шестнадцать! – Ее тон был полон оскорбленного достоинства.

Но, похоже, мистера Эванса было не так просто обмануть. Он знал, что дочь викария неопытна. И теперь понял, что даже более неопытна, чем он думал.

– Какая жалость...

– Жалость?

– Такая красивая женщина – и ни одного поцелуя.

Зато кое-кто видел ее сегодня обнаженной. Дженевив снова залилась краской. Кажется, это было почище поцелуев.

А что, если он решит, будто она и вовсе не вызывает в мужчинах желания? Если спишет ее неопытность на то, что противоположный пол ею не интересуется?

– Ну, меня хотели поцеловать... несколько раз, – пробормотала Дженевив, словно оправдываясь.

– Уж это наверняка. – В его голосе не было насмешки.

– Просто я не хотела целоваться.

– Все может измениться, если вы узнаете, каким сладким может быть обычный поцелуй.

– Правильно ли я думаю, сейчас вы ведете речь о своем поцелуе? – Она хотела задать вопрос с издевкой, но прозвучал он так, словно ей любопытно.

– Почему нет? Поверьте, я умею целовать женщину.

На этот раз у Дженевив заныла не только грудь, но и губы. Она неловко переступила с ноги на ногу. Как она, женщина, увлеченная наукой, могла оказаться в такой щекотливой ситуации? Впрочем, что она за ученая, если не имеет понятия о простейших... деталях притяжения между полами? Что, если ей суждено провести остаток жизни в кабинете, погруженной в работу, а единственной авантурой в ее судьбе останется эта странная ночь?

– Разве хотя бы часть вашей натуры не хочет прикосновений и ласк? – продолжал искушать.

К месту или нет, Дженевив вспомнились картинки из древних книг, образы с картин. Мужчины, сжимавшие в объятиях женщин. На их лицах были смятение и страсть, о которых она могла только размышлять.

Но мистер Эванс... Он опытен в соблазнении – в этом нет сомнений. А если он сдержит слово и ограничится поцелуем? Разве это не станет уникальным исследовательским опытом для нее?

Прежде ее внимания добивались лишь робкие юноши. Но сильные, уверенные в себе мужчины пасовали перед ее ледяным тоном и равнодушием.

Все, кроме мистера Эванса.

Дженевив приняла решение и направилась к нему.

– Дело не в желании. Мной руководит научный интерес. Меня ничуть не влечет к вам.

– Разумеется. – Ричард усмехнулся.

Дженевив подошла совсем близко и заглянула ему в лицо.

– Что ж, покажите, на что вы способны.

Глава 8

Да простит его Бог, Ричард был дьявольски хитер и горд собой. Он выиграл очередную партию, играя с Дженовив, и знал, что партия эта не последняя. В этот раз Ричард сделал ставку на любопытство и не прогадал.

Да, джентльмену не пристало следить за женщиной, которая купается ночью в пруду.

Да, джентльмен не стал бы соблазнять поцелуями невинную деву.

Да, джентльмен не строит планов обмануть бедняжку и заполучить фамильную драгоценность.

Но, как справедливо заметила Дженовив, Ричард не был джентльменом.

Кроме того, он не был слеп. Общение с дамами света, интриганками и притворщицами, сделало его довольно циничным, научило отличать природную красоту от фальшивой подделки.

Дженовив была настоящей красавицей. Удивительно, что никто прежде не был так настойчив, чтобы сорвать ее поцелуй. Или во всем Оксфордшире не нашлось смельчака, который попытался бы пробить брешь в ее обороне. Жалкие, бесхребетные слабаки!

Согласие Дженовив отдать ему свой первый поцелуй внушало Ричарду гордость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.